

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

Илья Кашницкий*, Мария Вилкова, Екатерина Деминцева,
Мария Гунько, Анна Левина, Юлия Лонщикова,
Даниил Кашницкий, Олеся Ключина, Дмитрий Опарин

- *Esteve A., C.R. Schwartz, J. van Bavel, I. Permanyer, M. Klesment, J. García-Román. The end of hypergamy: global trends and implications*
- *Clark G. Microbes and markets: was the Black Death an economic revolution?*
- *Van Mol C. Do employers value international study and internships? A comparative analysis of 31 countries*
- *Niedomysl T., U. Ernstson, U. Fransson. The accuracy of migration distance measures*
- *Graham C., J.R. Pozuelo. Happiness, stress, and age: how the U curve varies across people and places*
- *Lennartz C., R. Arundel, R. Ronald. Younger adults and homeownership in Europe through the global financial crisis*
- *Demintseva E., D. Kashnitsky. Contextualizing migrants' strategies of seeking medical care in Russia*
- *Kashnitsky I., M. Gunko. Spatial variation of in-migration to Moscow: testing the effect of housing market*
- *Oparin D.A. Migration and contemporary Muslim space in Moscow. Contextualizing north caucasian loud dhikr and the religious practices of Central Asian folk mullas*
- *Demintseva E. Labour migrants in post-Soviet Moscow: patterns of settlement*
- *Schöley J., F. Willekens. Visualizing compositional data on the Lexis surface*
- *Migheli M. Size of town, level of education and life satisfaction in Western Europe*
- *Shi Y., J.J. Kennedy. delayed registration and identifying the "missing girls" in China*
- *Peri-Rotem N. Religion and fertility in Western Europe: trends across cohorts in Britain, France and the Netherlands*

GLOBAL TRENDS AND IMPLICATIONS. POPULATION AND DEVELOPMENT REVIEW

[*Esteve A., C. R. Schwartz, J. van Bavel, I. Permanyer, M. Klesment, J. García-Román (2016). The end of hypergamy: global trends and implications // Population and development review. 42(4): 615-625. doi.org/10.1111/padr.12012*]

Исторически мужчины получали более высокий уровень образования, чем женщины, однако в большинстве стран ситуация кардинально изменилась вместе с распространением массового образования. В 2010 г. среди населения с высшим образованием в возрасте 25-29 лет женщин было больше чем мужчин в 139 странах, общее население которых составляет 86% населения мира.

Илья Кашницкий (ikashnitsky@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия; PhD кандидат Университета Гронингена (RUG) и Нидерландского междисциплинарного демографического института (NIDI).

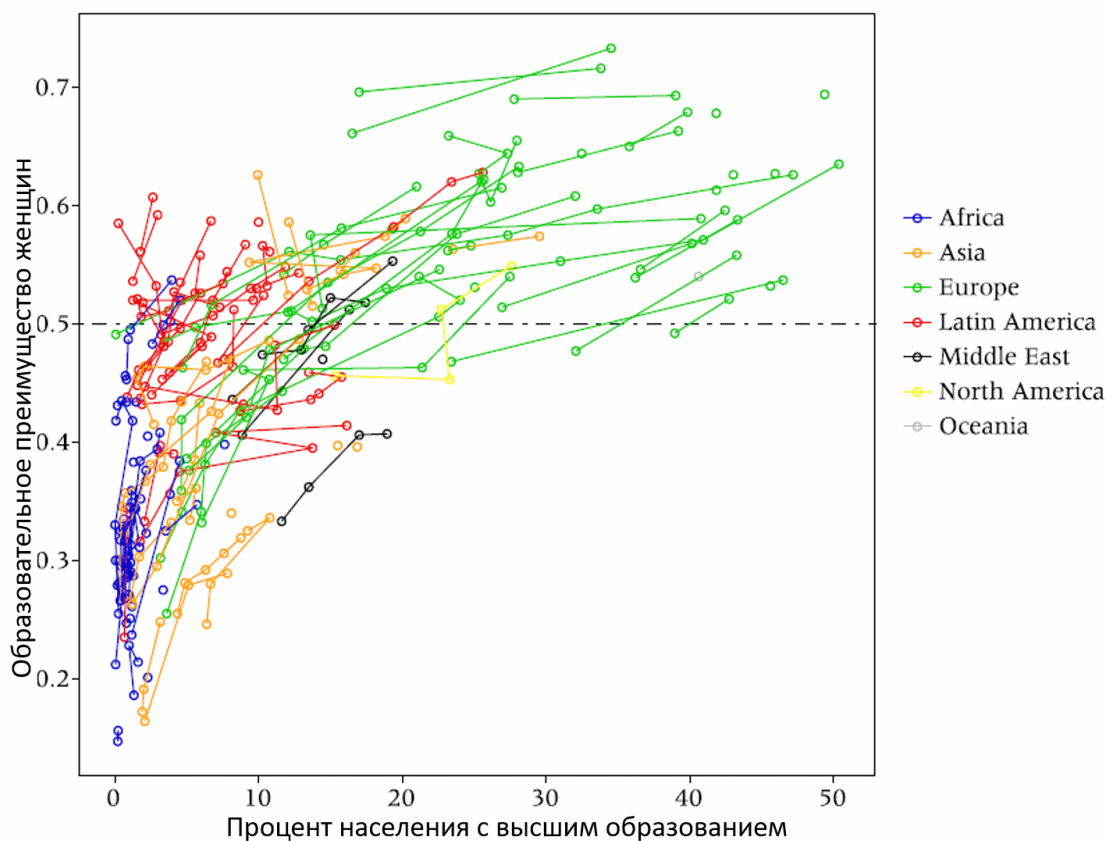
Мария Гунько, Институт географии РАН, Россия.

Мария Вилкова, **Екатерина Деминцева**, **Анна Левина**, **Юлия Лонщикова**, **Даниил Кашницкий**, **Олеся Ключина**, **Дмитрий Опарин**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

* Ведущий рубрики - Илья Кашницкий

Обзор поступил в редакцию в апреле 2017 г.

Для измерения гендерных различий в образовании предложен индикатор образовательного преимущества женщин (women's educational advantage), он равен вероятности того, что уровень образования случайно выбранной женщины 25-34 лет превысит уровень образования случайно выбранного мужчины той же возрастной группы, если уровень их образования не одинаков. Значения показателя больше 0,5 говорят о том, что женщины являются в среднем более образованными, чем мужчины.

Рисунок 1. Изменения связи между долей населения с высшим образованием и образовательным преимуществом женщин, для отдельных стран, 1960-2011

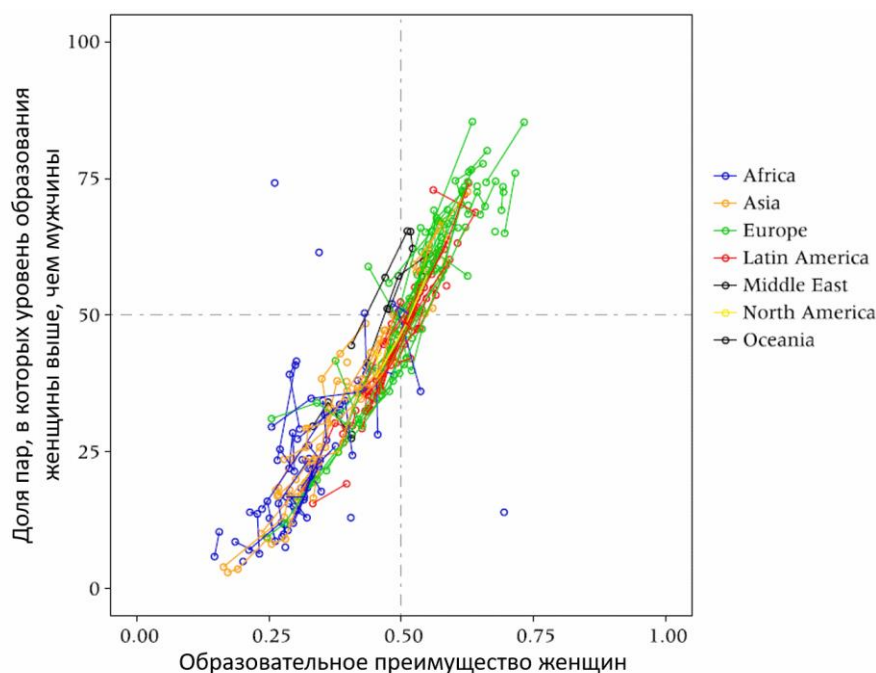
Источник: Расчеты авторов на основе переписей населения и выборочных обследований.

На рисунке 1 изображено изменение индикатора образовательного преимущества женщин для 120 стран мира и временного промежутка с 1960 по 2011 г. по мере роста доли населения с высшим образованием. Легко заметить, что вероятность того, что женщина является более образованной, чем мужчина, растет вместе с общим уровнем образования в стране. Если сравнивать континенты, то наименее образованными являются страны Африки, при этом значительны гендерные различия: высшее образование получают в основном мужчины (хотя рост индикатора образовательного преимущества женщин за исследуемый период наблюдался почти во всех странах). В странах Азии и Ближнего Востока тенденция к сокращению гендерных различий в образовании с ростом уровня образования также заметна. Наиболее высок уровень образования в странах Европы и Северной Америки, и почти во всех случаях женщины имеют образовательное преимущество. Особенно выделяется Латинская Америка: при сравнительно небольшой

доле населения с высшим образованием почти во всех странах региона значение индикатора образовательного преимущества женщин больше 0,5 или близко к этому значению. Несмотря на различия между странами и регионами, очевидно, что за рассматриваемый период индикатор образовательного преимущества женщин вырос во всех странах и во многих уже превышает значение 0,5.

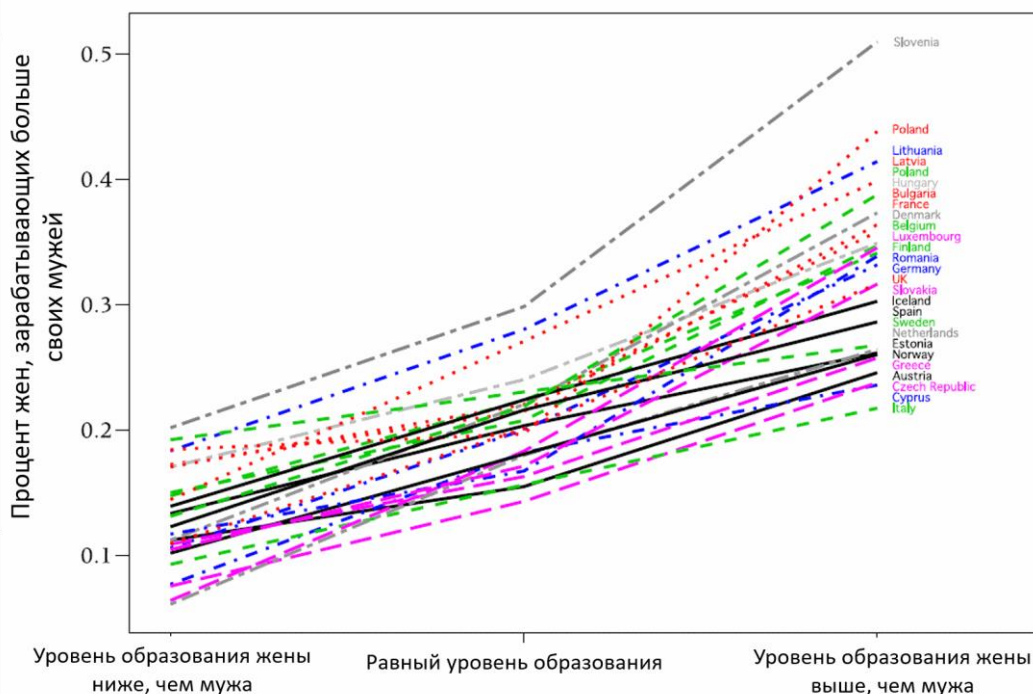
Авторы статьи — Альберт Эстев, Кристина Шварц, Ян ван Бавел, Иньяки Перманьер, Мартин Клемон и Хуан Гарсия-Роман — отмечают, что эти практически повсеместные изменения должны влиять на широкий спектр демографических процессов: брачность, разводимость, рождаемость и гендерное равенство. Фокус статьи — на образовательной гипергамии (практике, когда мужья являются более образованными, чем их жены). Образовательная гипергамия как часть гипергамии (обычая женитьбы на женщине равного или более низкого социального статуса) связана с историческими патриархальными нормами, свойственными людским сообществам во всем мире. Однако возможно ли сохранение этого явления, если женщины становятся более образованными, чем мужчины? На рисунке 2 изображена взаимосвязь между образовательным преимуществом женщин и долей пар, в которых уровень образования жены превышает уровень образования мужа. Видно, что в странах, где уровень образования женщин в среднем выше, чем уровень образования мужчин, жены являются более образованными, чем их мужья. Временные тренды для отдельных стран показывают такую же зависимость: с ростом уровня образования женщин относительно мужчин растет и доля пар, в которых уровень образования у женщины выше, чем у мужчины. Таким образом, в большинстве стран Европы женщины в семьях уже в среднем более образованы, чем мужчины, и скорее всего, так будет вскоре и в других странах. Авторы статьи называют это «концом образовательной гипергамии». При этом стоит заметить, что это изменение может быть не связано с каким-либо изменением предпочтений мужчин и женщин в выборе партнера, скорее всего, это является просто адаптацией к демографическим реалиям.

Интересно проследить, как «конец образовательной гипергамии» скажется на гендерном равенстве в обществе. О прогрессе в гендерном равенстве можно говорить, если женщина, имея лучшее образование, чем мужчина, также и зарабатывает больше. На рисунке 3 показан процент пар, в которых женщина зарабатывает больше, чем мужчина, в зависимости от уровня образования обоих. Видно, что даже между европейскими странами существуют серьезные различия, но, опять же, общий тренд очевиден: в парах, где образование жен выше образования мужей, выше и вероятность того, что жена зарабатывает больше мужа.

Рисунок 2. Изменения связи между долей пар, в которых женщина имеет более высокий уровень образования, чем мужчина, и образовательным преимуществом женщин, для отдельных стран, 1960-2011

Источник: Расчеты авторов на основе переписей населения и выборочных обследований.

Рисунок 3. Связь между долей пар, в которых женщина зарабатывает больше, и уровнем образования женщины и мужчины в паре, для 27 европейских стран

Источник: Расчеты авторов на данных EU-SILC 2007, 2011.

Важным является то, что более высокий уровень образования женщины в паре не имеет негативного влияния на вероятность развода. Авторы ссылаются на исследование, проведенное в США, согласно которому положительная связь между образовательным преимуществом женщин и вероятностью развода, существовавшая до 1990 г., исчезла для браков, заключенных после 1990 г.¹ Кроме того, существуют исследования, которые показывают, что в европейских странах более высокий уровень образования женщины в паре может положительно влиять на рождаемость². Правда, эта зависимость верна для европейских стран с низкой рождаемостью, где рост уровня образования женщин тесно связан с гендерным равенством, т.е. он дает возможность женщине быть более независимой экономически и поэтому принимать самостоятельные решения о большом числе детей. Какое влияние «конец образовательной гипергамии» будет иметь на рождаемость в других странах, пока остается неясным.

MICROBES AND MARKETS: WAS THE BLACK DEATH AN ECONOMIC REVOLUTION?

[Clark G. (2016). Microbes and markets: was the Black Death an economic revolution? // Journal of demographic economics. 82(2): 139-165. doi.org/10.1017/dem.2016.6]

Между средними веками и промышленной революцией в Европе произошёл самый драматический социально-экономический шок – приход «Черной смерти». Лишь в 1347-1349 гг. она унесла жизни практически трети населения Европы. Чума была эпидемией вплоть до 1600 г., поддерживая численность населения ниже уровня, который был до этих событий. В то же время заработная плата взлетела до уровней, которые часто превышали даже отметки начала XX века.

Грегори Кларк на примере Англии проверяет влияние чумы на средневековую экономику. Обозревая существующую литературу, посвященную оценке экономических последствий «Черной смерти», Кларк отмечает противоречивость оценок разных ученых. Одни утверждают, что чума была неотъемлемой частью экономического спада начала XIV века, который продолжался до XVI века. Другие видели в периоде «Черной смерти» окончательный распад институциональных связей, ограничивающих средневековую экономику, который создавал возможности для последующего экономического роста. Помимо этого совсем недавно были сделаны заявления о том, что чума имеет более широкие социальные и экономические последствия: смертность от чумы помогла стимулировать новое капиталоемкое сельское хозяйство, создала новые структуры семьи и брака, которые ограничивали рождаемость. Автор особо подчеркивает работу Брюса Кэмпбелла³: оценки ВВП в Англии 1270-1870 гг. поддерживают идею о том, что

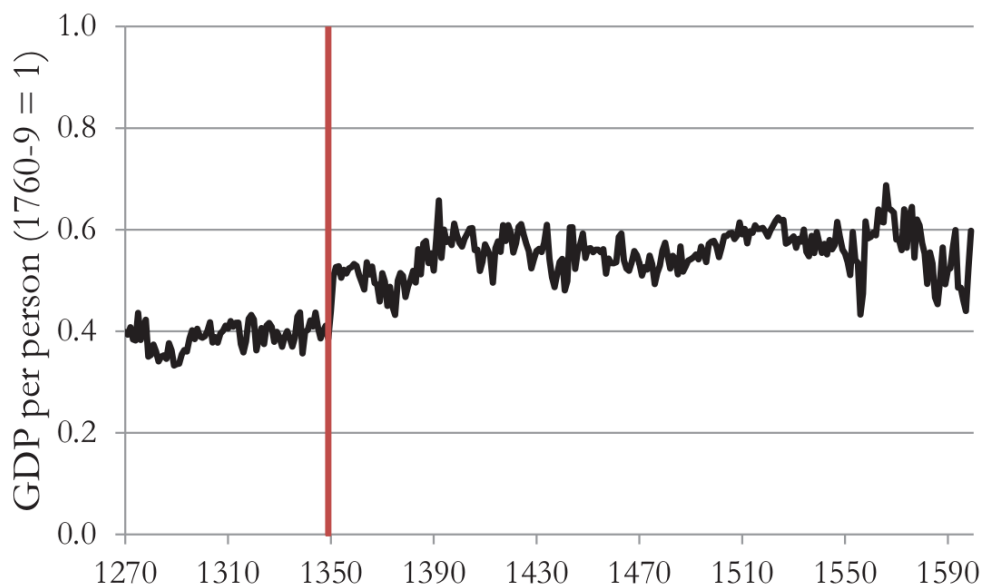
---

¹ Schwartz C.R., H. Han (2014). The reversal of the gender gap in education and trends in marital dissolution // *American sociological review*. 79(4): 605–629. doi.org/10.1177/0003122414539682

² Nitsche N., A. Matysiak, J. van Bavel, D. Vignol (2015). Partners' educational pairings and fertility across Europe. Retrieved from <https://lirias.kuleuven.be/handle/123456789/500891>

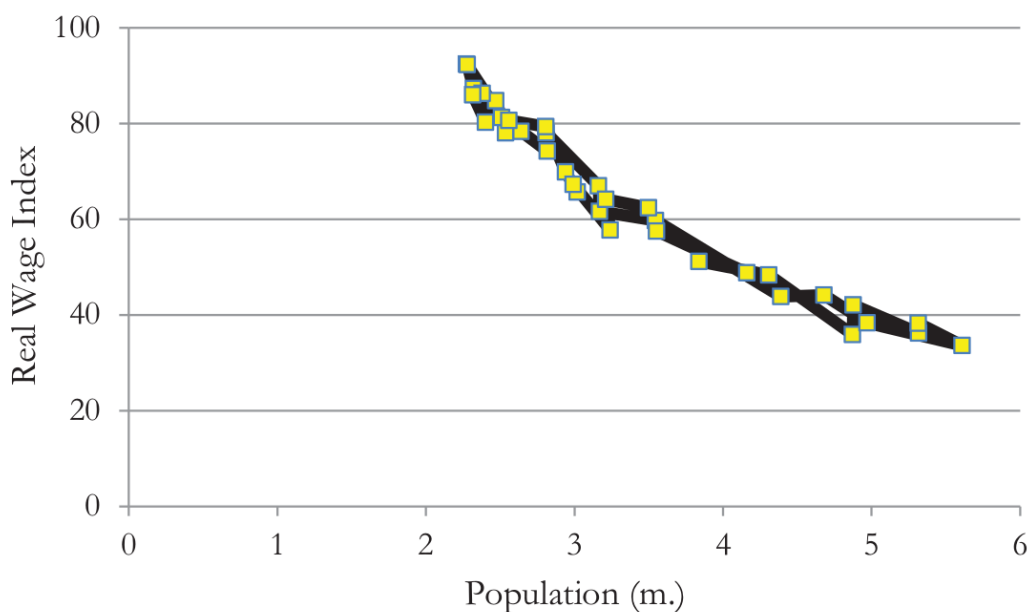
³ Campbell, Bruce M.S. (2000). *English seigniorial agriculture*. Cambridge: Cambridge university press: 1250–1450.

наступление «Черной смерти» способствовало значительному экономическому прорыву (рисунок 4).

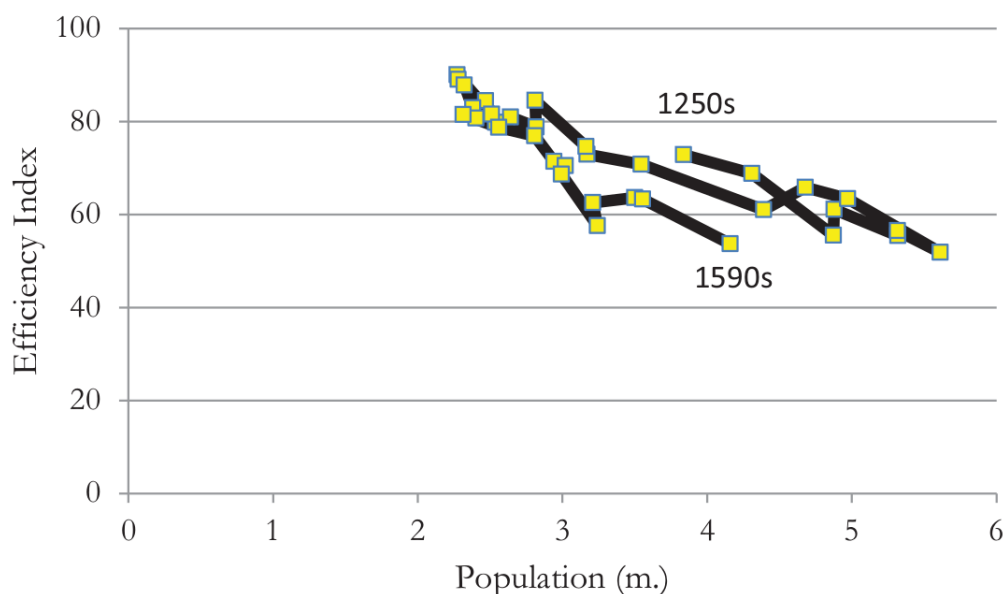

Рисунок 4. Динамика ВВП в Англии, 1270–1599

Численность населения и реальная заработная плата обнаруживали удивительно явную взаимосвязь на протяжении 1250-1600 гг. (рисунок 5). Это устойчивое соотношение предполагает, что «Черная смерть» не имела дальнейших экономических последствий, которые были бы обусловлены лишь дефицитом рабочей силы по отношению к земле и капиталу. Когда ситуация к концу XVI века нормализовалась, то и заработные платы вернулись к прежним уровням.

Рисунок 5. Реальная заработная плата в сравнении с численностью населения, 1250-1590

Рисунок 6. Эффективность экономики в сравнении с численностью населения, 1250- 1600

Оценивая эффективность экономики (рисунок 6), Кларк ожидал, что экономическая эффективность будет независима от численности населения. Однако, вопреки ожиданиям, расчеты показали, что в периоды сокращения численности населения (1310-1450 гг.), экономическая эффективность возросла, а в периоды роста численности населения (1250-1310 и 1450-1600 гг.), эффективность, наоборот, снизилась. Этот феномен нельзя объяснить людскими потерями. Скорее всего данная ситуация связана с демографическими причинами, такими как изменения в рождаемости и смертности в рассматриваемый период.

Автор заключает, что чума не вызвала значительных долгосрочных экономических изменений. Повышение эффективности английской экономики в период с 1200 по 1315 г. было обусловлено скорее демографическими факторами, чем какими-либо еще. После нормализации ситуации к 1600 г. показатели вернулись в обычное состояние.

DO EMPLOYERS VALUE INTERNATIONAL STUDY AND INTERNSHIPS? A COMPARATIVE ANALYSIS OF 31 COUNTRIES

[Van Mol C. (2017). Do employers value international study and internships? // A comparative analysis of 31 countries. Geoforum: 78, 52-60. doi.org/10.1016/j.geoforum.2016.11.014]

Кристоф Ван Мол решил проверить ставшее уже расхожим утверждение о том, что опыт участия в программах международной студенческой мобильности повышает шансы трудоустройства выпускников на рынке труда. Он обратил внимание, что развитие внутренней европейской мобильности студентов ассоциируется с экономическими привилегиями, а на программы мобильности ЕС выделяет значительное финансирование. Однако проводимые наблюдения почти не предоставляют подтверждений того, что обладающие международным опытом студенты приобретают значительные преимущества

при трудоустройстве, отмечает Ван Мол, ссылаясь на работы предшественников.

Трудоустройство выпускников рассматривается как основной стимул получения высшего образования. Ожидается, что образовательные учреждения должны готовить студентов, соответствующих актуальным требованиям рынка. Экономический кризис усилил потребность интернационализации высшего образования, в частности в рамках стран Европы. Еврокомиссия устанавливает количественные показатели международной мобильности студентов, а вузы подчеркивают, что такая мобильность увеличивает шансы выпускников на трудоустройство. Но действительно ли это так?

Современные теории «информационного капитала» предполагают, что инвестиции в образование обоснованы, так как впоследствии они возвращаются за счет лучшего трудоустройства. Тем не менее сегодня высшее образование не гарантирует, что двери компаний будут открываться перед недавним выпускником. Массовость высшего образования в известной степени спровоцировала его инфляцию. В этих условиях международная мобильность предположительно может стать конкурентным преимуществом на рынке труда.

Результаты исследований неевропейских стран показывают, что, действительно, и студенты, и работодатели связывают обучение за границей с шансами на лучшее трудоустройство. Эмпирические исследования европейских стран свидетельствуют о куда более пессимистичных ожиданиях и перспективах местных студентов: в большинстве случаев международная мобильность не рассматривается ими как преимущество при получении работы, а в некоторых случаях даже представляется недостатком в отличие, к примеру, от непосредственного опыта работы или стажировки за рубежом. При этом оценка значимости международной мобильности возрастает с севера на юг и с запада на восток Европы.

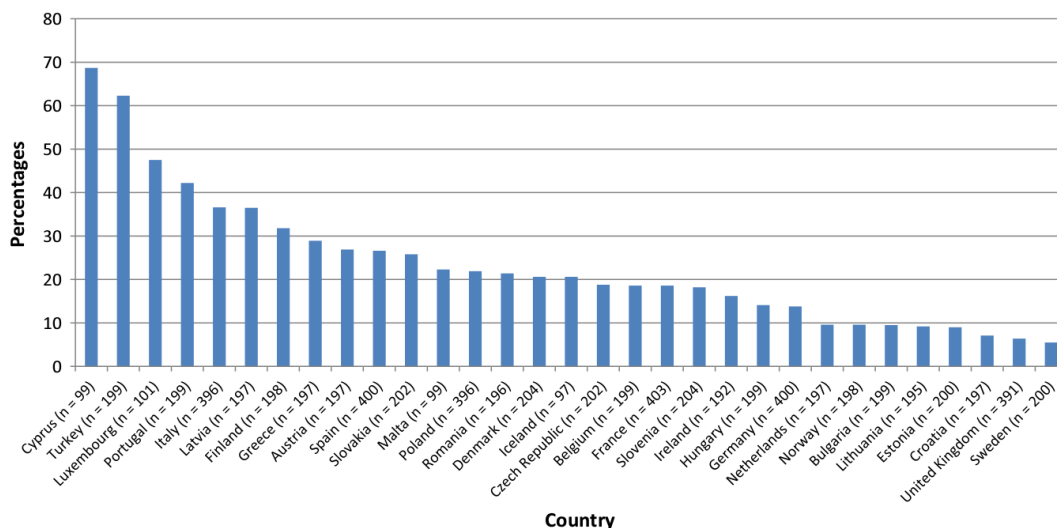
Чтобы выяснить, принимают ли во внимание европейские работодатели международный опыт потенциальных сотрудников при приеме на работу, Ван Мол проводит сравнительный анализ данных телефонного исследования Флэш-Евробарометра 304 «Отношение работодателей к трудоустройству выпускников», проведенного в компаниях стран Евросоюза: Хорватии, Исландии, Норвегии и Турции (всего более 7000 респондентов из 31 страны) в 2010 г.

Выбранные автором зависимые переменные измеряют важность международного опыта соискателей с точки зрения рекрутера. Включенные в анализ независимые переменные призваны показать потенциальную значимость тех или иных компетенций, приобретаемых благодаря международному опыту, а также ответить на вопрос о том, оказывает ли международный опыт выпускника так называемый «сигнальный эффект», выделяя его на фоне менее мобильных студентов в глазах работодателя. Автор учитывает возможное значение специализации выпускников и международный состав сотрудников компании-работодателя. Соответствующие вопросы включены в качестве контрольных переменных.

Рисунки 7 и 8 демонстрируют, насколько высоко ценятся работодателями обучение (рисунок 7) и стажировки (рисунок 8) за рубежом в зависимости от страны, в которой

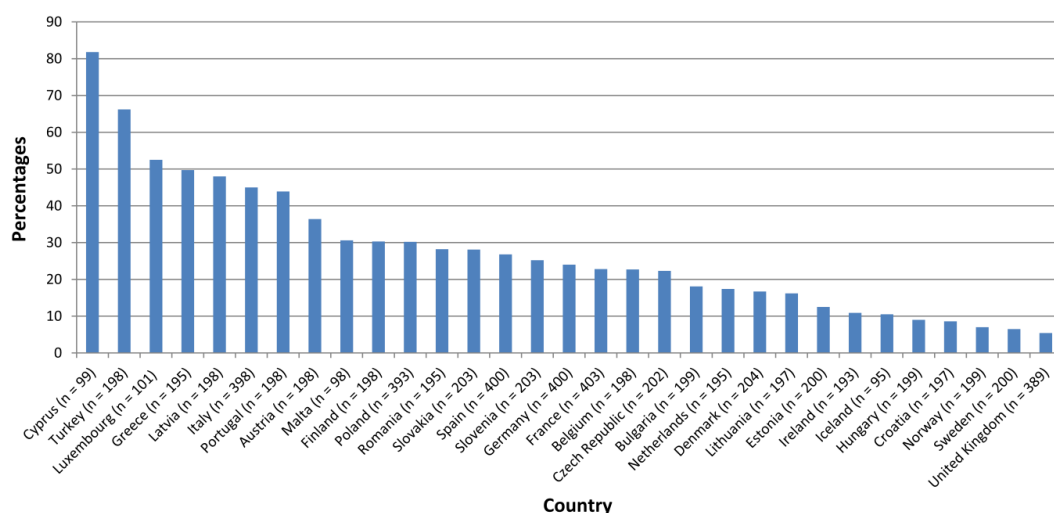

расположена организация. Судя по представленным данным, более 90% работодателей из таких стран, как Швеция, Великобритания, Хорватия, Эстония, Литва, Болгария, Норвегия и Нидерланды не придают большого значения наличию у сотрудников опыта международного обучения. Тогда как отношение компаний большинства южноевропейских стран существенно иное (рисунок 7).

Рисунок 7. Число работодателей, для которых обучение потенциального сотрудника за границей имеет значение. Основано на утверждении «Важно, чтобы у новых сотрудников был опыт обучения за рубежом». Данные демонстрируют долю работодателей, отвечающих «Полностью согласен» и «Отчасти согласен», %

Стажировка за рубежом в большинстве случаев оценивается корпоративными рекрутерами выше, чем обучение (рисунок 8).

Рисунок 8. Число работодателей, для которых стажировка потенциального сотрудника за границей имеет значение, %

Об этом можно судить по доле работодателей, отвечающих «Полностью согласен» и «Отчасти согласен», выражая свое отношение к утверждению «Важно, чтобы у новых сотрудников был опыт стажировки за рубежом».

Таблица 1. Многоуровневая бинарная логистическая регрессия значения образования и стажировки за рубежом

	Учеба за рубежом		Стажировка за рубежом	
	модель 1 (n=6450)	модель 2 (n=5765)	модель 3 (n=6718)	модель 4 (n=5764)
<i>Независимые переменные</i>				
Особые навыки, требуемые работодателю				
Умение осуществлять вычисления	1,08(0,057)	1,08(0,064)	1,06(0,052)	1,04(0,057)
Навыки чтения/письма	0,99(0,061)	0,96(0,065)	0,99(0,058)	1,00 (0,063)
Иностранные языки	1,76(0,080)***	1,63(0,085)***	1,74(0,075)***	1,56(0,076)***
Пользование компьютером	1,19(0,083)*	1,21(0,091)*	1,05(0,068)	1,06(0,074)
Специфические навыки, определяемые сферой деятельности работодателя	0,95(0,050)	0,96(0,056)	1,02(0,052)	1,04(0,057)
Коммуникативные навыки	1,15(0,082)	1,14(0,088)	1,05(0,070)	1,04(0,074)
Аналитические навыки и умение справляться с проблемными ситуациями	1,00(0,069)	1,02(0,077)	1,06(0,070)	1,10(0,078)
Адаптивность и способность действовать в новых ситуациях	0,94(0,070)	0,96(0,077)	1,10(0,078)	1,08(0,081)
Умение принимать решения	1,30(0,086)***	1,25(0,090)**	1,27(0,080)***	1,23(0,083)**
Умение работать в команде	1,05(0,083)	1,09(0,093)	0,88(0,064)	0,87(0,068)
Организационные навыки и способность к планированию	1,00(0,068)	0,92(0,068)	1,01(0,065)	0,98(0,068)
Сигнальные эффекты				
Доля европейских выпускников	1,15(0,039)***	1,12(0,041)**	1,15(0,039)***	1,10(0,041)*
Доля неевропейских выпускников	1,17(0,055)**	1,13(0,060)*	1,17(0,055)**	1,11(0,058)*
<i>Контрольные переменные</i>				
Основные направления набора сотрудников				
Инженерия		0,97(0,076)		1,01(0,075)
Бизнес и экономика		1,18(0,091)*		1,26(0,092)**
Иностранные языки		1,30(0,178)		1,36(0,181)*
Юриспруденция		1,15(0,131)		1,00(0,110)
Педагогика и сфера обучения		0,80(0,150)		1,02(0,179)
Медицина		0,99(0,149)		1,31(0,181)
Гуманитарные науки		0,91(0,150)		0,97(0,152)
Искусство и дизайн		1,11(0,195)		0,89(0,153)
Связь и информация		0,99(0,112)		1,02(0,110)
Социальные и поведенческие науки		0,87(0,130)		0,89(0,126)
Естественные науки		0,90(0,132)		0,92(0,125)
Другие		0,87(0,086)		0,95(0,089)
Компании с международной активностью		1,10(0,031)**		1,14(0,031)**
Размер компании (реф.: 50 -250)		1,08(0,096)		1,06(0,089)
Структура собственности (реф.: общественный сектор)				
Частная		0,86(0,090)		0,93(0,093)
Смешанная		1,11(0,202)		1,19(0,205)
Доля выпускников в компании		1,00(0,016)		0,99(0,015)
Рейтинг важности высшего образования		1,31(0,039)***		1,25(0,037)***
МакКелви и Завоина P2	0,15	0,15	0,19	0,18
ИСС	0,11	0,15	0,10	0,12

* <0,05; **< 0,01; ***<0,001

Результаты многоуровневой бинарной логистической регрессии (таблица 1) отражают взаимосвязь между значением зарубежного образования и стажировок для работодателя и характеристиками фирм. В частности, первая модель демонстрирует, что работодатели склонны больше ценить опыт обучения за рубежом, если они заинтересованы в выпускниках, обладающих хорошим знанием языков, умением пользоваться компьютером и навыками принятия решений. Также наблюдается значительная

взаимосвязь между соотношением европейских и неевропейских выпускников в компании и значением, которое работодатель придает опыту международного обучения. Во второй модели при включении ряда контрольных переменных выявленная в модели 1 взаимосвязь по-прежнему наблюдается. Третья и четвертая модели исследуют отношение между характеристиками компании работодателя и значением для них опыта заграничных стажировок у потенциальных сотрудников, а также возможный сигнальный эффект.

Результаты проведенного исследования демонстрируют, что большинство европейских работодателей не придают большого значения международному опыту потенциальных сотрудников, принимая решения о найме, хотя наблюдаются значительные вариации в зависимости от страны расположения организации. В то же время международный опыт выпускника особенно ценится, когда работодатели заинтересованы в соискателях, обладающих знаниями иностранных языков и навыками принятия решений. Также ценность международного опыта имеет большее значение в более интернациональных организациях.

THE ACCURACY OF MIGRATION DISTANCE MEASURES

[Niedomysl T., U. Ernstson, U. Fransson (2017). The accuracy of migration distance measures // Population, space and place. 23(1). n/a-n/a. doi.org/10.1002/psp.1971]

Расстояние – одна из ключевых характеристик миграции. Однако, как правило, точных данных о дальности перемещения у исследователей нет. Поэтому стандартный выход из ситуации – расчет расстояния между центроидами административно-территориальных единиц (стран, регионов, муниципалитетов) исхода и прибытия. Разумеется, таким образом можно получить лишь приблизительно верные данные о расстоянии миграции. Насколько велика погрешность?

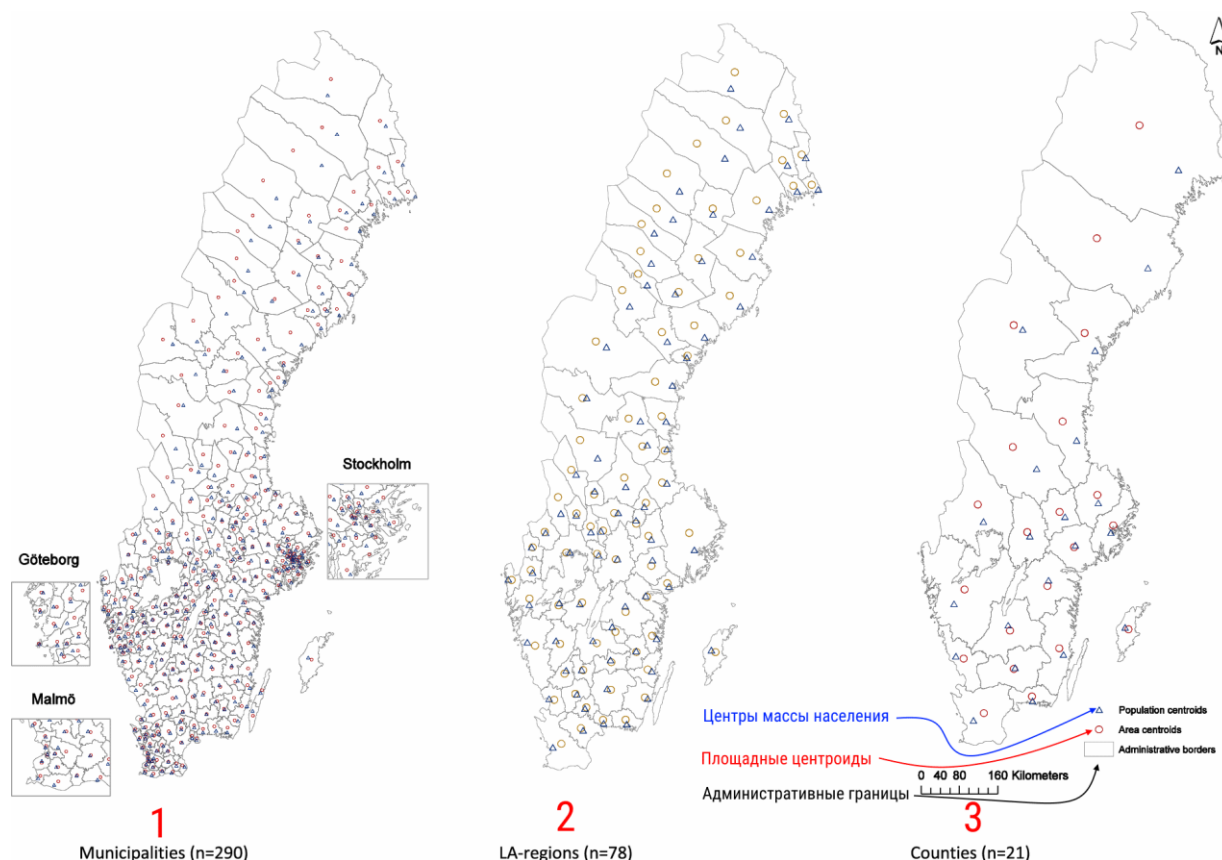
Томас Недомысл, Ульф Эрнстсон и Урбан Франссон ответили на этот вопрос, используя уникальные шведские данные⁴. Для каждого внутреннего мигранта, совершившего перемещение внутри страны в 2008 г., известны точные координаты прежнего и нового мест жительства. Авторы сравнивают реальную дальность перемещений с данными, полученными в результате расчета расстояния по центроидам графств⁵ (21), LA-регионов⁶ (78) и муниципалитетов (290). Кроме того, авторы приводят расчеты для площадных центроидов и центров массы населения, которые (как видно на рисунке 9) могут довольно сильно различаться, особенно в северных, не густо заселенных районах.

---

⁴ О похожем исследовании британских коллег мы писали сравнительно недавно (URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0695/digest01.php>). Однако там в качестве наиболее детальных данных использовались не фактические расстояния миграции, а агрегированные данные, рассчитанные на уровне почтовых индексов.

⁵ Соответствуют европейскому уровню NUTS-3.

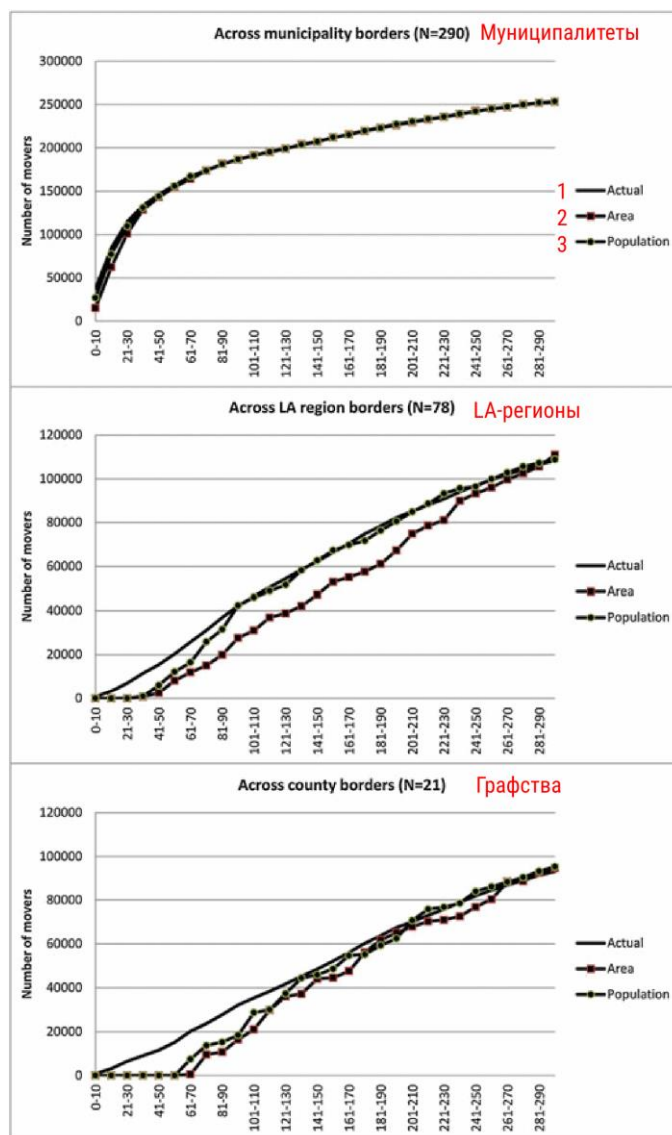
⁶ Регионы Швеции, выделенные на основании оценки локальных рынков занятости.

Рисунок 9. Центроиды муниципалитетов (1), ЛА-регионов (2) и графств (3) Швеции, рассчитанные по площади (красный круг) и плотности населения (синий треугольник) (изображение в высоком разрешении по клику)

Результаты сравнения (рисунок 10) показывают, что расчетные дальности миграции существенно завышены. Различия тем больше, чем выше иерархический уровень пространственной агрегации данных – максимальные различия на уровне графств, а на уровне муниципалитетов различия минимальны. Кроме того, использование площадных центроидов (а именно они, как правило, и доступны исследователю) значительно уступает по точности использованию центроидов, основанных на пространственном распределении населения.

Помимо иллюстрации систематической ошибки в широко используемых данных о дальности миграции, авторы видят научную ценность своей работы в иллюстрации различий между оценками расстояний по площадным центроидам и центрам масс населения. При возможности всегда стоит рассчитывать центроиды административных единиц, учитывая пространственное размещение населения.

Рисунок 10. Накопленные числа мигрантов в зависимости от дальности миграции: реальные данные (1), площадные центры (2), центры населения (3) в муниципалитетах (верхняя панель), LA-регионах (центральная панель) и графствах (нижняя панель) Швеции; все внутренние переселения, 2008

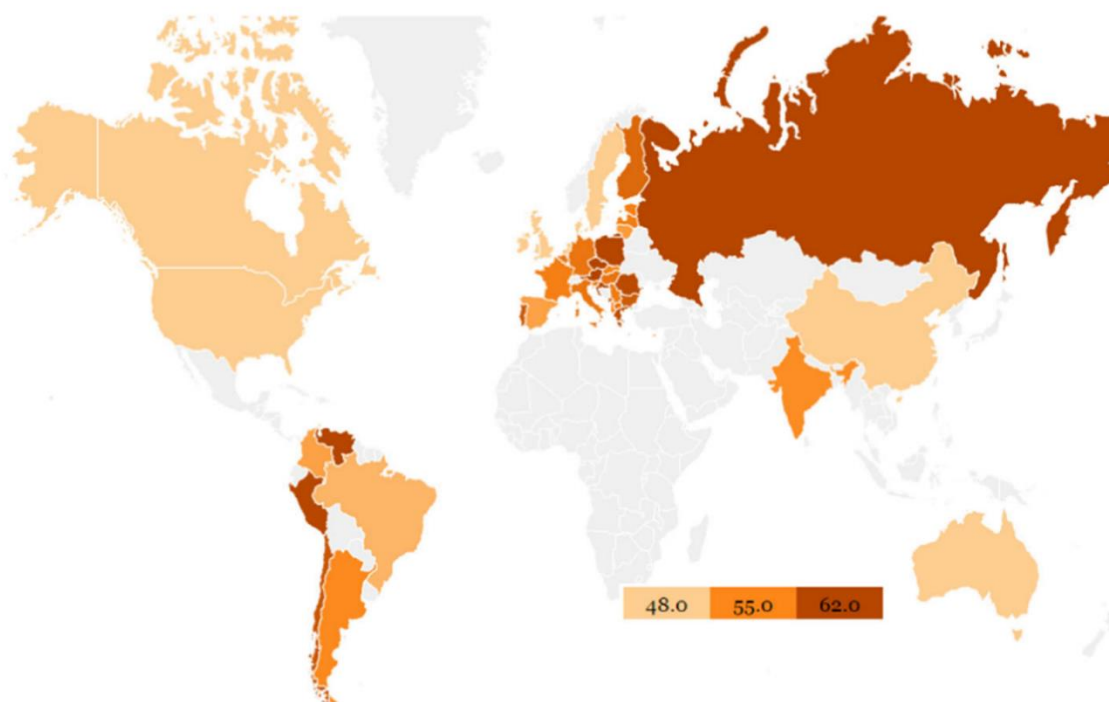
HAPPINESS, STRESS, AND AGE: HOW THE U CURVE VARIES ACROSS PEOPLE AND PLACES

[Graham C., J.R. Pozuelo (2017). *Happiness, stress, and age: how the U curve varies across people and places* // *Journal of population economics*. 30(1): 225-264. doi.org/10.1007/s00148-016-0611-2]

Многочисленные эмпирические исследования показывают, что взаимосвязь между возрастом и удовлетворенностью жизнью (счастьем) имеет U-образную форму: с начала взрослой жизни чувство счастья начинает снижаться, достигая нижней отметки в годы среднего возраста (обычно от 40 до 60 лет), а затем вновь растет с течением жизни. При этом наблюдается яркая отрицательная взаимосвязь между уровнем счастья и уровнем

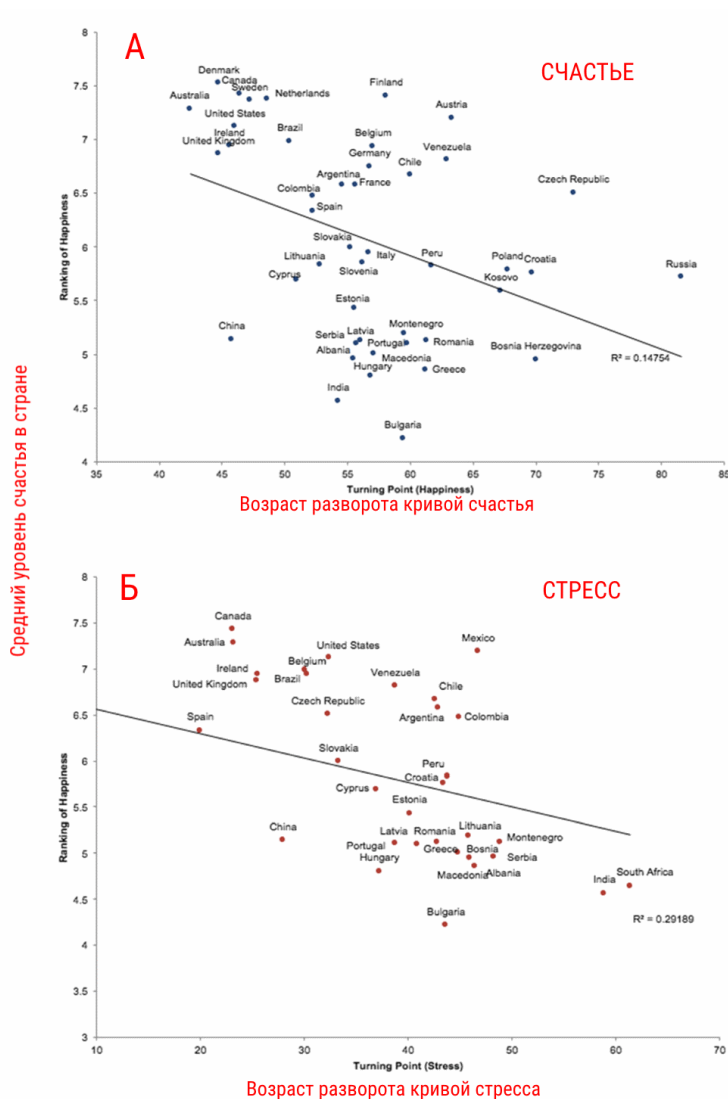
стресса. Динамика уровня стресса демонстрирует обратную зависимость от возраста – выгнутая кривая. Кэрол Грэм и Джулия Руис Посуэло впервые сравнили кривые удовлетворенности жизнью и стресса в значительном числе стран мира. По их данным, эта вогнутая форма кривой удовлетворенности жизнью прослеживается в 44 из 46 исследуемых государств, а перевернутая кривая уровня стресса – в 34 странах.

Переломный момент в уровне счастья наступает в различном возрасте в разных странах (рисунок 11).

Рисунок 11. Средний возраст минимума кривой счастья в изученных 46 странах

Исследователи обнаружили, что некоторые нации можно назвать более счастливыми, чем другие: в них раньше достигается нижняя точка кривой счастья и начинается рост уровня удовлетворенности жизнью. Как правило, в этих же странах раньше наступает переломная точка уровня стресса. Один из главных выводов исследования заключается в том, что время поворота кривых счастья и стресса варьируется в зависимости от среднего уровня счастья в стране (рисунок 12) и от положения отдельных лиц в распределении благосостояния. Таким образом, люди, которые находятся выше в распределении благосостояния, и люди в странах с более высоким уровнем среднего благосостояния проживают больше счастливых и свободных от стресса лет. Данный феномен может иметь культурные и генетические предпосылки.

Рисунок 12. Отрицательная корреляция между средним уровнем счастья в стране и возрастом разворота кривых счастья (А) и стресса (Б)

Регрессионные модели исследователей строятся на основе массива данных 2005-2014 гг., содержащих информацию о возрасте, семейном положении, поле, занятости, образовании и доходах респондентов из разных стран. Их также просили определить свой уровень удовлетворенности жизнью в баллах от 0 до 10, где 10 – самый лучший образ, которым могла сложиться их жизнь.

В большинстве случаев прослеживается взаимосвязь между уровнем счастья нации и уровнем ВВП государства, однако, это не всегда так. Например, многие страны Латинской Америки демонстрируют более высокий уровень удовлетворенности жизнью, чем можно было бы судить на основе данных об их доходах, в то время как во многих странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза прослеживается обратная зависимость.

Авторы также выявили, что в среднем у более счастливых людей точка перелома U-кривой наступает раньше: 47 лет и ранее для наиболее счастливых, 58 лет для средней группы и 61 год для наименее счастливых людей.

Интересным фактом стало то, что неженатые люди в среднем оценивают свою жизнь хуже, чем женатые. Особенно данная тенденция прослеживается в США для людей среднего возраста (рисунок 13). При этом в Европе семейное положение не так сильно влияет на довольство жизнью респондентов. Авторы отмечают, что данная особенность может быть объяснена традиционным институтом брака в США, а также тем, что более счастливые люди склонны вступать в брак друг с другом.

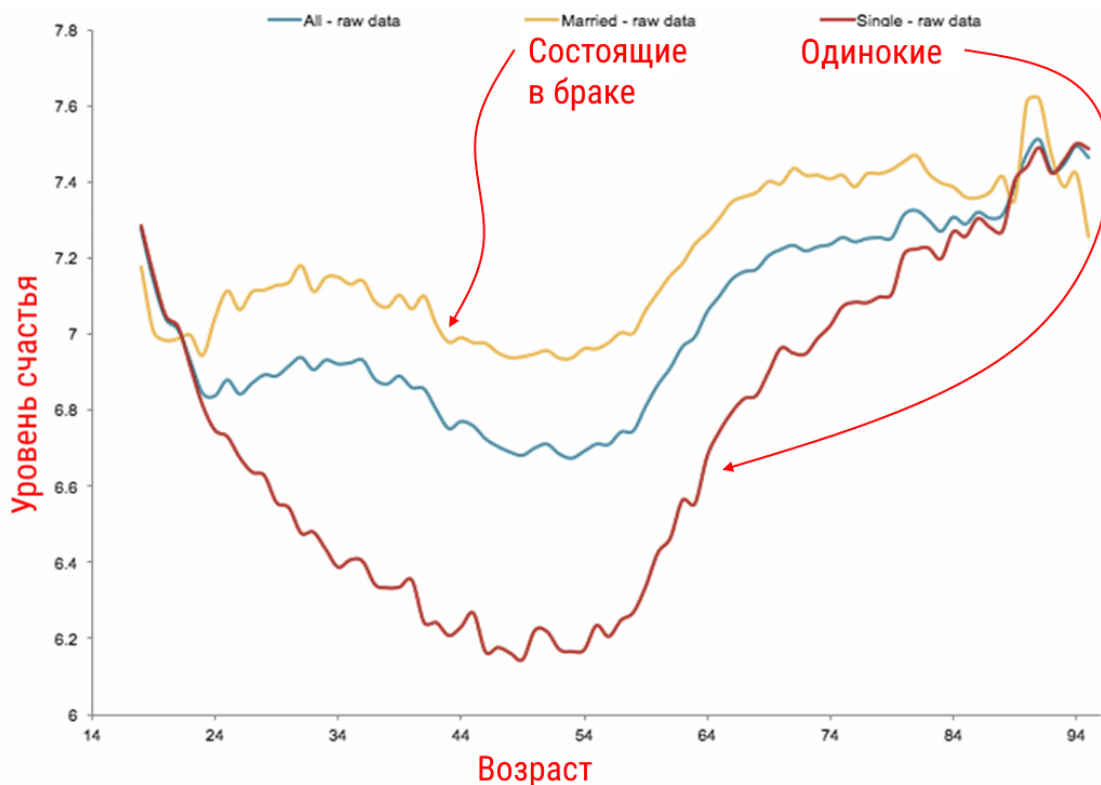

Рисунок 13. Различия кривых счастья между женатыми и холостыми американцами

YOUNGER ADULTS AND HOMEOWNERSHIP IN EUROPE THROUGH THE GLOBAL FINANCIAL CRISIS

[Lennartz C., R. Arundel, R. Ronald (2016). *Younger adults and homeownership in Europe through the global financial crisis* // *Population, space and place*. 22(8): 823-835. doi.org/10.1002/psp.1961]

Во время мирового финансового кризиса 2007-2008 гг. экономики большинства стран пришли в упадок, наблюдалась значительная нестабильность занятости. Исследователи выдвигали предположение о том, что неопределённость карьеры во время кризиса должна была негативно отразиться на возможностях перехода молодых людей в самостоятельную жизнь и покупку собственного жилья. Авторы статьи К. Леннарц, Р. Арундел и Р. Рональд проверяют достоверность подобных рассуждений для ряда западноевропейских стран.

В исследовании ставятся две основные цели: 1) задокументировать изменения в условиях жизни молодых людей в разных странах Западной Европы в посткризисный

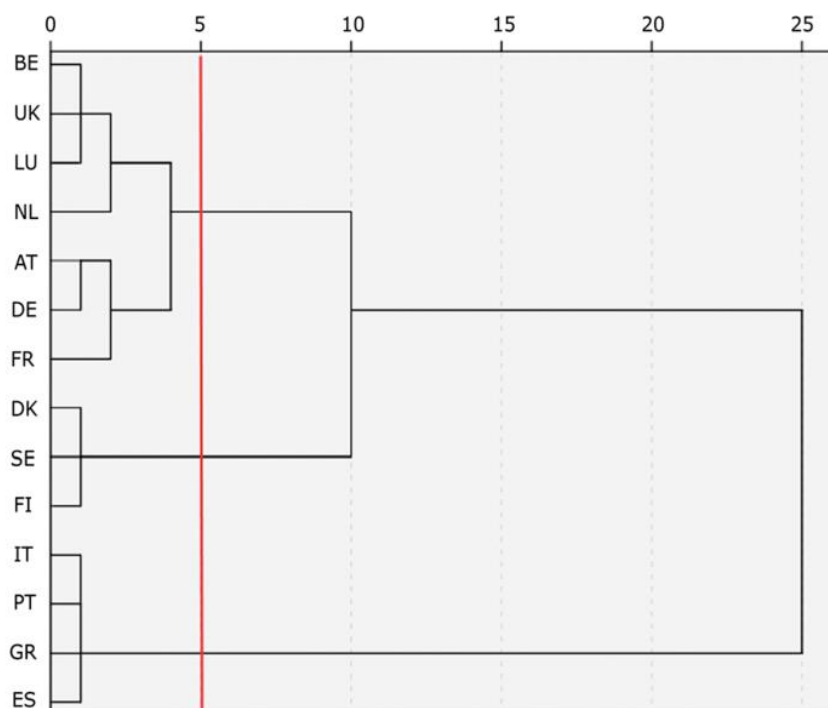

период; 2) объяснить выявленные различия и ответить на вопрос: действительно ли молодежь будущего – «поколение ренты»?

Исследователи использовали данные выборочных обследований Евростата по 15 странам Евросоюза. Размер выборки составляет примерно 130 000 домашних хозяйств или 270 000 человек в возрасте 16 лет и старше. Авторы исключили много стран из-за отсутствия или недостоверности данных для некоторых волн обследования. Более того, было решено исключить страны Центральной и Восточной Европы, поскольку их рынки жилья функционируют иным образом.

Основными переменными стали категории владения и пользования. Предварительно авторы статьи выяснили, жили ли молодые люди с одним или обоими родителями (приемными родителями) или же они жили всегда независимо. Индивидам, которые не жили с родителями, был присвоен статус «домовладельцы» или же «арендаторы». Оставшаяся категория («проживание с родителями») показывает сильное влияние семьи на первых этапах развития карьеры молодых людей.

Для визуализации различий между изучаемыми странами в поведении молодых людей после кризиса авторы использовали иерархическую кластеризацию методом Варда (рисунок 14), который подходит для небольших выборок и особенно хорош тем, что не требует предварительного определения числа групп.

Рисунок 14. Кластеры по категориям владения жильем молодых людей в 15 странах Европейского союза, 2007

Фактическая группировка стран ЕС-15 была основана на трех переменных жилья: относительные доли молодых людей (18-34 лет) с родителями; доля тех, кто живет как домовладелец; доля проживающих в арендованном жилье. Обобщенная таблица представлена ниже (таблица 2).

Таблица 2. Изменение условий жизни молодых людей (18-34 года) в 15 странах Европейского союза, 2007-2012

	Доля в 2007 г.			Изменение доли за 2007-2012 гг., процентные пункты		
	владение	аренда	совместное проживание с родителями	владение	аренда	совместное проживание с родителями
<i>Скандинавские страны</i>						
Дания	38,9	47,0	14,1	-12,4	8,8	3,6
Швеция	42,2	41,5	16,3	-6,6	-0,7	7,2
Финляндия	36,7	42,8	20,5	-3,1	2,2	0,9
<i>Южно-европейские страны</i>						
Греция	20,1	18,7	61,2	-3,8	1,9	1,9
Италия	22,8	12,4	64,9	-3,9	0,1	3,7
Испания	33,2	8,5	58,3	-7,2	6,5	0,7
Португалия	27,5	9,7	62,8	-5,6	2,8	2,8
<i>Континентальная Европа - аренда</i>						
Австрия	19,6	33,5	46,9	-4,4	4,3	0,1
Франция	24,0	45,6	30,4	-1,1	-6,4	7,5
Германия	15,3	46,3	38,4	-0,9	0,7	0,2
<i>Континентальная Европа - владение</i>						
Бельгия	31,5	28,8	39,7	-0,1	-0,6	0,7
Люксембург	29,1	24,5	46,4	-2	-3,5	5,4
Нидерланды	40,1	29,9	30	-7,6	3,9	3,7
Великобритания	33,4	25,8	40,7	-10,2	8,6	1,6
ЕС-15 (среднее)	29,6	29,6	40,8	-5,0	2,1	2,9

Результаты анализа подтверждают общую тенденцию к сокращению доступа к домовладению, приводя к появлению более крупных арендных секторов во многих странах. Тем не менее пока рано говорить о появлении «поколения ренты», потому что более сильный процесс трансформации направлен на повышение доли молодых людей, живущих совместно с родителями. Эмпирическая часть исследования еще раз показала, что направления этих сдвигов могут сильно варьироваться в разных странах, где кризис в некоторых случаях подорвал существующие модели расселения и привел к перестройке жилищных отношений в молодых поколениях. Более того, исследование показывает, что более высокие посткризисные спады в домовладении также связаны с неблагоприятными условиями на рынке труда. Скорее всего, именно неустойчивость финансовых рынков жилья приводит к возрастающим трудностям приобретения жилья для молодых людей.

CONTEXTUALIZING MIGRANTS' STRATEGIES OF SEEKING MEDICAL CARE IN RUSSIA

[Demintseva E., D. Kashnitsky (2016). *Contextualizing migrants' strategies of seeking medical care in Russia // International migration. 54(5): 29-42. doi.org/10.1111/imig.12247*]

Статья посвящена острой на сегодняшний день проблеме доступа к медицинской помощи среди мигрантов из стран Центральной Азии, живущих и работающих в Москве, и основана на данных этнографического исследования НИУ ВШЭ, проведенного в 2014-2015 гг. в рамках проекта "Мигранты в Москве: интеграция в городское пространство и

социокультурная адаптация в городе".

Исследование включало 60 полуформализованных интервью с трудовыми мигрантами и 23 глубинных интервью с сотрудниками московских медицинских учреждений, которые регулярно оказывают услуги мигрантам. В работе детально исследуется доступная мигрантам инфраструктура медицинской помощи Москвы: городские клинические больницы, поликлиники, станции скорой помощи, травмопункты, частные медицинские центры, аптеки и прочее. Также в работе анализируются формальные и неформальные стратегии, к которым мигранты прибегают, чтобы попасть на прием к медицинским специалистам.

Существует представление, что мигранты по определению здоровы, даже если на самом деле это не так. У них нет времени думать о своем здоровье. В миграции они мобилизуют свои силы, в крайнем случае идут в аптеку, покупают самые дешевые обезболивающие, заглушают болезнь и выходят больные на работу. Из-за этого многие болезни переходят в запущенное состояние. Поэтому самое частое обращение к врачам у мигрантов в экстренных случаях, когда речь идет уже о вызове "скорой" или о самостоятельном обращении в приемное отделение городской больницы, что для иностранцев по-прежнему бесплатно.

Когда речь идет о плановом лечении, оно практически всегда платно. Мигранты вынуждены формировать и вырабатывать собственные стратегии обращения в медицинские учреждения Москвы, преодолевая множественные барьеры на пути к получению медицинской помощи. Трудности не ограничиваются отсутствием ОМС, но также включают недостаток информации о доступной помощи, низкий заработок, ненормированный рабочий день, дискриминацию в медицинских учреждениях и прочие сложности недружественного отношения.

В последние несколько лет самым типичным местом обращения за плановой медицинской помощью стали "киргизские клиники" – так принято называть частные медицинские центры, где работают доктора из Киргизии. Эти клиники дают рекламные объявления в московских газетах на киргизском и узбекском языках. В городе существует около трех десятков подобных частных клиник. Киргизские клиники значительно дешевле других городских частных клиник (в среднем на 20-30%). Однако цена – не единственное конкурентное преимущество "киргизских клиник". Важной причиной обращений к "своим" является единство культурного и языкового пространства и отсутствие психологического барьера в общении с докторами и администраторами. Доктора из Средней Азии более охотно вникают в социально-психологические особенности трудовых мигрантов. "Часто бывает, что я здесь на работе выступаю не в роли терапевта или кардиолога, но психолога. Я хорошо понимаю проблемы мигрантов - нашел общий язык с ними" (киргиз, 30 лет, терапевт "киргизской клиники").

Тем не менее, не имея стабильного решения для плановой медицинской помощи, мигранты часто вынуждены обращаться к неформальным стратегиям. Это зачастую обращение к посреднику, такому же мигранту, который на родине был медработником среднего звена (медсестрой, фельдшером, акушеркой) и в настоящее время работает в Москве не по специальности. Для многих "помощников" этот вид деятельности является

подработкой. Они сами могут поставить капельницу или сделать укол, или же у них есть связи в государственной поликлинике, и они лично договариваются с медперсоналом в обход официальных тарифов и медицинского страхования. Иногда самоорганизация внутри мигрантских сообществ приобретает более структурированные формы: так, в Москве при поддержке общественного фонда действует специальная телефонная горячая линия по вопросам здравоохранения на таджикском и русском языках. Звонки принимает оператор-терапевт, который проводит первичную диагностику и перенаправляет к одному из "сетевых" врачей-волонтеров, работающих в частных и государственных клиниках. Таким образом, оперативно восполняется недостаток социального капитала у недавно приехавших мигрантов.

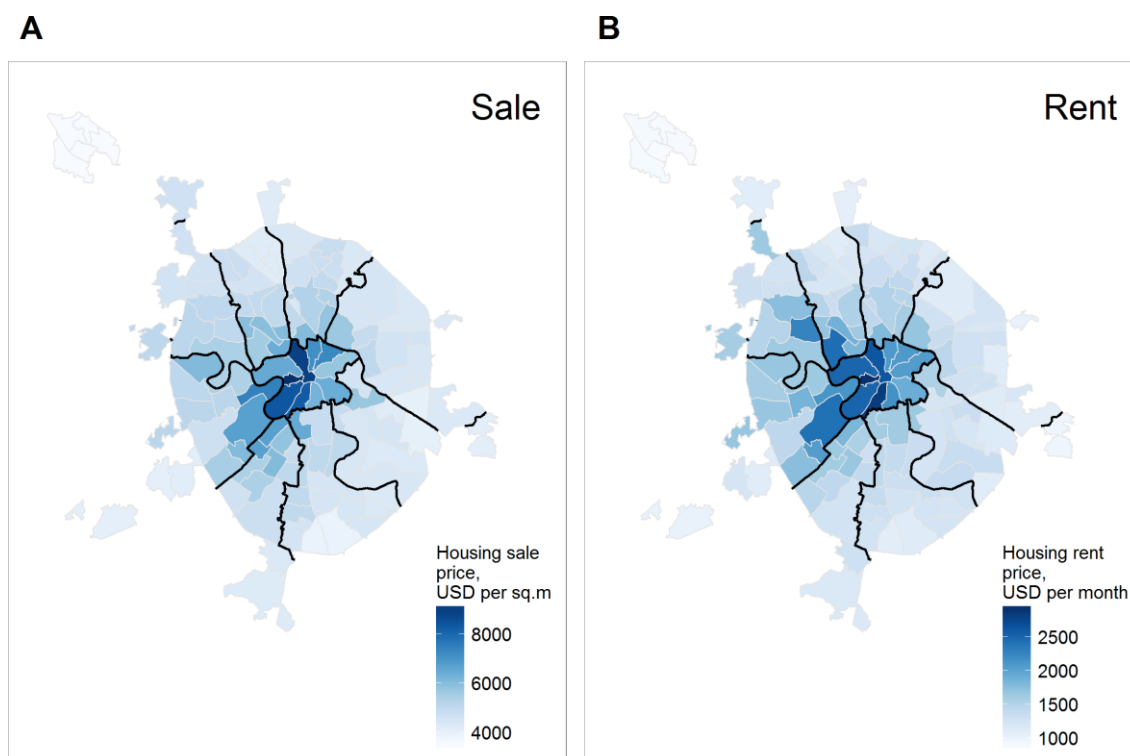
Устойчивые решения в области медицинского обслуживания для мигрантов – один из ключевых показателей того, насколько ответственно принимающее общество подходит к вопросу создания достойных условий жизни и адаптации мигрантов. В результате, как показывают ведущие мировые исследования в области бедности и неравенства, чем ниже социальная исключенность и маргинализация отдельных групп населения (социальные институты доступны для всего общества) тем выше уровень благополучия и стабильности для всего общества, в целом: бедных и богатых, местных и приезжих.

SPATIAL VARIATION OF IN-MIGRATION TO MOSCOW: TESTING THE EFFECT OF HOUSING MARKET

[Kashnitsky I., M. Gunko (2016). Spatial variation of in-migration to Moscow: testing the effect of housing market // Cities. 59: 30-39. doi.org/10.1016/j.cities.2016.05.025]

Переход от плановой к рыночной экономике в странах Центральной и Восточной Европы привел к изменению логики городского развития. Результаты исследований постсоциалистических городов Центральной и Восточной Европы свидетельствуют о том, что развитие рынка жилья и рост материального неравенства среди населения способствуют социально-экономической поляризации городских районов и сегрегации. С 1990-х годов интенсивная миграция в постсоциалистические столицы, наряду с повышением внутригородской жилищной мобильности населения, в значительной степени способствовали трансформации городских районов (их внешнего вида, инфраструктурной обеспеченности и социальной структуры). Москва – крупнейший и один из самых миграционно привлекательных городов постсоциалистического/постсоветского пространства. Это один из ярких кейсов для изучения пространственной вариации выбора жилья мигрантами.

Данная работа посвящена изучению пространственной вариации выбора жилья вновь прибывшими в Москву, иными словами интенсивности миграции в определенный район города, на основе статистических данных за 2012 г. С этой целью были проанализированы типы миграционных потоков по полу, возрасту, территории происхождения, а также их интенсивность для 125 районов Москвы в ассоциации со средними ценами на жилье в них (рисунок 15).

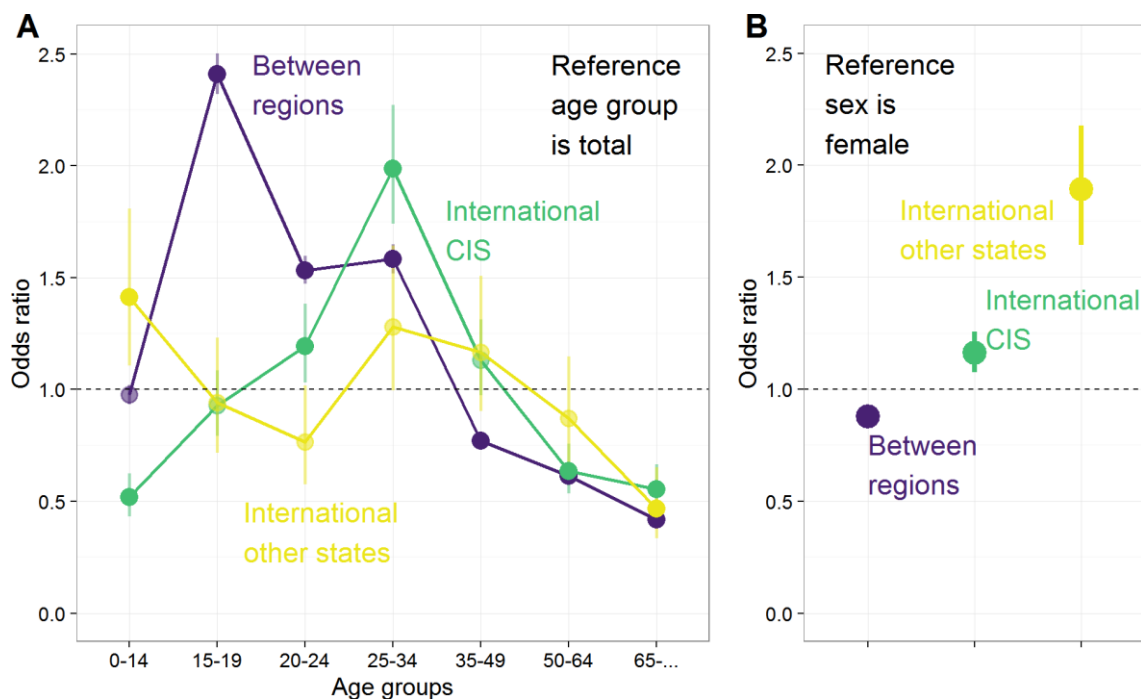

Рисунок 15. Средние цены покупки (А) и съема (В) жилья в районах Москвы, данные за 2012 г.

Интенсивность миграционных потоков в Москву оказалась очень неравномерно распределена в зависимости от территории происхождения. На внутрироссийскую миграцию (межрегиональную) приходится 91,3% всего притока в Москву. Остальные 8,7% – это международная миграция, в которой превалирует поток из стран СНГ (примерно три четверти прибывших международных мигрантов). Приток мигрантов из стран дальнего зарубежья составляют всего лишь 2,2% от всей миграции в Москву. Внутрироссийские мигранты "самые молодые", так как большей частью это студенты; дополнительный анализ показал, что районы города, в которых есть крупные студенческие общежития, получают почти в три раза более интенсивный приток мигрантов в возрасте 15-19 лет. Кроме того, во внутрироссийском миграционном потоке в Москву преобладают женщины. Международные мигранты в среднем старше, и среди них преобладают мужчины.

Пространственные закономерности миграционного притока в районы города связаны с типом миграционного потока, а именно территорией происхождения. Внутрироссийские мигранты и выходцы из стран СНГ, как правило, предпочитают селиться в непрестижных районах Южного, Юго-Восточного и Восточного административных округов. Выявленная закономерность позволяет высказывать гипотезу об относительно низком доходе вновь прибывших, что во многом ограничивает их в выборе жилья. Кроме того, на выбор места проживания мигрантами из стран СНГ может оказывать влияние дискриминация на рынке жилья. Мигранты из дальнего зарубежья, как правило, селятся в более престижных центральных районах. Эти общие предпочтения свидетельствуют о социально-экономической дифференциации между тремя типами мигрантов. Кроме того, любопытно посмотреть на интенсивность притока детской миграции: мигранты из дальнего

зарубежья приезжают в среднем возрасте и, как правило, с детьми, в то время как мигранты из стран СНГ не могут себе этого позволить (рисунок 16).

Рисунок 16. Относительная интенсивность притока мигрантов в районы Москвы в зависимости от возраста (А) и пола (В)

Эмпирические данные, полученные на основе исследований городов Глобального Севера, говорят о том, что выбор района проживания и цены на жилье в нем взаимосвязаны, по крайней мере, когда речь идет об иммигрантах. Как правило, высокая стоимость жилья снижает вероятность того, что это местоположение в городе будет выбрано. Однако цены на жилье в Москве лишь ограниченно связаны с интенсивностью миграционного притока, иными словами, первым выбором жилья мигрантами (по крайней мере, когда анализ проводится на уровне городских районов), хотя связь и является статистически значимой. Этому феномену есть несколько возможных объяснений. Во-первых, выбор жилья некоторыми мигрантами не связан с их доходами. Например, студенты могут проживать в общежитиях или у родственников, располагаясь в районах с высокими ценами на жилье. Во-вторых, выбор района проживания может быть продиктован близостью к работе или учебному заведению, даже в престижных районах можно позволить себе снимать одну квартиру на несколько человек. Кроме того, престиж некоторых районов Москвы по-прежнему означает гораздо больше, чем объективные характеристики жилья. Поэтому вариация цен на жилье внутри района может быть очень значительной из-за объективных характеристик домов и инфраструктуры. Таким образом, даже в дорогих престижных районах можно найти относительно дешевый вариант проживания.

В целом полученные результаты о первом выборе жилья мигрантами говорят о том, что в какой-то степени процесс социально-пространственной дифференциации идет в современной Москве. Очевидно, некоторые районы привлекают больше мигрантов, чем другие. Но пространственные закономерности расселения мигрантов на уровне районов Москвы слабо соотносятся с ценами на жилье. Для изучения эволюции социально-

пространственной структуры Москвы уже на внутрирайонном уровне необходимы более подробные данные по миграции и ценам на жилье.

MIGRATION AND CONTEMPORARY MUSLIM SPACE IN MOSCOW. CONTEXTUALIZING NORTH CAUCASIAN LOUD DHIKR AND THE RELIGIOUS PRACTICES OF CENTRAL ASIAN FOLK MULLAS

[Oparin D.A. (2017). Migration and contemporary Muslim space in Moscow. Contextualizing North Caucasian loud Dhikr and the religious practices of Central Asian folk mullas // Contemporary islam. 11(1): 61-80. doi.org/10.1007/s11562-017-0383-9]

Статья посвящена двум явлениям современной московской мусульманской жизни: 1) громкому круговому зикру (мусульманская духовная практика, заключающаяся в поминании Аллаха), практикуемому чеченцами и ингушами в Исторической мечети; 2) религиозным практикам среднеазиатских мулл в Соборной мечети. Автор стремился избежать проблематизации своего исследования в рамках одного социального института или одного явления: было важно показать фрагментарность, а также социальный, этнический, идейный и поведенческий плюрализм московского мусульманского пространства. Именно поэтому он выбрал для изучения два разноплановых примера. С антропологической точки зрения статья показывает, как определенные мусульманские ритуальные практики производят пространство и конструируют идентичности.

Обе духовные практики популярны и имеют большое значение для немалого количества московских мусульман, в том числе и тех, которые не участвуют в них непосредственно. Общность этих двух духовных практик заключается также и в их маргинальности по отношению как к институционализированному московскому исламу, так и к набирающим вес радикальным формам исламских практик и идей. Несмотря на "маргинальность", практики локализуются в двух центральных мечетях города. Однако стоит отметить, что зикр проходит в подвале и не получает особенной поддержки со стороны администрации, а муллы предпочитают проводить обряды за стенами мечети на улице или в припаркованных напротив мечети машинах из-за запрета имамов. Таким образом, обе религиозные практики занимают периферийное положение в рамках пространства мечетей и локализуются, с одной стороны, в мечети, с другой стороны - за ее пределами.

Традиционные для определенных мусульманских регионов практики наполняются в инокультурном и иновещерском московском пространстве новыми смыслами. Здесь они воспроизводятся в рамках замкнутого и дискриминируемого сообщества и оказываются средством включения как в мусульманскую среду, так и шире – в московскую. Автор предполагает, что мусульманские практики мигрантов формируют не только религиозную идентичность верующих, но и, что не является очевидным, московскую.

Религиозные практики мигрантов-мусульман помогают сформировать неформальные горизонтальные связи внутри разобщенной мусульманской общины Москвы. Ритуал не только связывает непосредственных участников практики, формируя у них коллективную идентичность московского джамаата, но и перебрасывает мост между Москвой и родным регионом. Чечено-ингушская община Москвы, сформированная вокруг зикра, организует транспортировку тел на Кавказ, выделяет деньги родственникам умершего вайнаха, помогает вновь прибывшему обосноваться в Москве, приглашает видных религиозных деятелей Чечни и Ингушетии прочитать в мечети проповедь. Таким образом, транснационализм, который характеризуется состоянием пребывания человека и "там" и "здесь", в том числе обеспечивается и ритуальными практиками.

Мигранты переносят в московское мусульманское пространство религиозные институты, распространенные у них на родине. Таким образом, региональные религиозные практики способствуют этнизации московского мусульманского пространства. Привычные для мигрантов практики получают дополнительное значение в московской иноверческой среде. Они не просто удовлетворяют духовные потребности верующих, они примиряют их с московской религиозной средой и дают возможность человеку взаимодействовать с единоверцами в чужеродной для него среде.

Идея о том, что религиозная практика меняет пространство, оказывается популярной в миграционных исследованиях. Но практики не только меняют пространство, они его производят (используя терминологию Анри Лefевра). Религиозные практики среднеазиатских мигрантов отражают их представления о порядке, вере, традиции, исламе и создают среднеазиатское пространство в мечети, проявляющееся в возможностях (всегда

можно подойти к мулле или алиму и спросить, что нужно, высказаться, посоветоваться), связях (люди устанавливают новые контакты, слушая лекторов или общаясь с муллой), визуальности (мужской зал мечети после джума-намаза заполняется многоголосьем среднеазиатских лекций и пестрит известными мигрантам муллами и алимами, читающими Коран или проводящими какой-либо другой обряд). Дважды в неделю в Исторической мечети звучит зикр и проповедь на чеченском языке. В подвале, в котором собираются вайнахи, на время устанавливаются особенные правила и формируется исключительно чечено-ингушская среда. Здесь все говорят на чеченском, носят одежду зикриста, оберегают это пространство. Случайные прихожане не могут снимать зикр на камеру, иногда им бывает запрещено даже зайти внутрь.

И наконец, практики конструируют и воспроизводят идентичности. Приезжий оказывается членом московского джамаата, ходит в московскую мечеть и создает вокруг себя социальный круг, состоящий из жителей Москвы. Мигрант оказывается вписанным в рамках московского пространства в определенную мусульманскую микросреду.

LABOUR MIGRANTS IN POST-SOVIET MOSCOW: PATTERNS OF SETTLEMENT

[Demintseva E. (2017). Labour migrants in post-Soviet Moscow: patterns of settlement // Journal of ethnic and migration studies. 0(0): 1-17. doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053]

Место проживания в городе сильно влияет на социально-экономическую интеграцию мигрантов в принимающее общество. На выбор места жительства приезжающих в город трудовых мигрантов может повлиять не только стоимость жилья и его расположение, но и этническое происхождение мигранта, его религиозная принадлежность, социальный статус, а также наличие (или отсутствие) социальных связей в городе. Как показывают исследования, примеры расселения в городе мигрантов могут быть разными: для выходцев из одной страны и социальной группы важна опора на существующую этническую структуру, привязанную к определенной территории; в других случаях мигранты ориентированы на существование в городе «своих» социальных сетей, не привязанных к территории, но с помощью которых они активно взаимодействуют.

Существует обширная литература о влиянии места жительства на социально-экономическую интеграцию мигрантов в городах Северной Америки и Европы. При этом примеров изучения в этом контексте постсоветских, и, более конкретно, российских городов мало. Эта статья, написанная по итогам исследования жизни трудовых мигрантов из Средней Азии в Москве, отвечает на вопросы: как влияет пространство города, в советский период предполагавшего в своей структуре социальное смешение и отсутствие городской сегрегации, на расселение трудовых мигрантов сегодня? Можно ли говорить о том, что отсутствие сегрегации в постсоветском городе, доставшееся в наследство с советских времен, влияет на социоэкономическую интеграцию мигрантов?

Изучение моделей расселения мигрантов из Центральной Азии в Москве приводит к двум ключевым выводам. Во-первых, трудовые мигранты могут найти жилье в любом

районе Москвы из-за социального смешения, которое сохраняется во всех районах города с советских времен, и на сегодняшний день мы не можем говорить о существовании районов, где концентрируются мигранты из конкретных стран или регионов. Во-вторых, несмотря на то, что в Москве нет «этнических» районов, мигранты поддерживают контакты со своими сообществами: своей этнической группой, соотечественниками из того же города или региона. Именно благодаря этим связям они могут найти жилье и работу в городе и узнают о возможностях использования городской инфраструктуры.

Закономерность расселения мигрантов в Москве больше всего соответствует модели гетеролокализма Зелинского и Ли⁷, которая отводит ключевую роль новым технологиям (телефон, Интернет) в обеспечении общения между мигрантами, рассеянными в мегаполисе.

Данное исследование указывает на важную роль структуры постсоветского города с ее социальным смешением, унаследованным с советских времен, на расселение трудовых мигрантов. Из-за большого количества социального жилья, построенного по всей Москве в советское время, а также сохранившихся коммунальных квартир в центре города, цена «спального места» в квартире на окраине города для мигранта мало отличается от цены в любом другом районе города. Таким образом, мигранты могут найти дешевые квартиры даже в более «престижных» районах и поселиться поблизости от их места работы. Кроме того, отсутствие государственных программ социального жилья, предназначенных для мигрантов, не приводит к концентрации трудовых мигрантов в конкретных московских кварталах.

В результате в отличие от европейских и американских мегаполисов, в которых есть районы высокой концентрации мигрантов, в Москве нет этнической и социальной территориальной сегрегации, а сообщества мигрантов из Средней Азии не концентрируются в каких-то конкретных районах Москвы. Тем не менее члены таких сообществ поддерживают связи и создают собственную социальную инфраструктуру в городе («киргизские клиники», узбекские и киргизские кафе и рестораны). Но все эти места досуга и учреждения не привязаны к определенному кварталу.

Однако, несмотря на то, что социальное смешение, которое мы наблюдаем в Москве, должно способствовать социально-экономической интеграции мигрантов, большинство трудовых мигрантов из стран Средней Азии сталкиваются с дискриминационными практиками со стороны принимающего общества. Негативное отношение к мигрантам, например нежелание арендодателей сдать квартиру для «нерусских» или «не славян», вынуждает мигрантов искать жилье только через свои сети. И, если они даже имеют возможности снять квартиру через агентство, негативное отношение арендодателей не позволяет им снять ту квартиру, которую они могут себе позволить. Правда, в отличие от американских городов, где подобная дискриминация на рынке жилья приводит к появлению «белых районов», в Москве ситуации концентрации мигрантов в отдельных

---

⁷ Zelinsky W., B.A. Lee (1998). Heterolocalism: an alternative model of the sociospatial behaviour of immigrant ethnic communities // International journal of population geography. 4(4): 281–298. doi.org/10.1002/(SICI)1099-1220(199812)4:4<281::AID-IJPG108>3.0.CO;2-O

районах и, соответственно, появления условных «белых» кварталов, не существует. Поскольку структура города не предполагает сегрегацию, мигранты могут снять квартиры в любой части города, но не всегда в желаемом сегменте жилья.

Несмотря на отсутствие явной этнической сегрегации в Москве, было бы неверно утверждать, что сама структура города подталкивает мигрантов из Средней Азии к интеграции. Дискриминационные практики со стороны государства и принимающего общества ставят барьеры на пути к интеграции. Однако можно предположить, что эта ситуация социального смешения может способствовать более успешной интеграции их детей. Во многих странах ключевой проблемой для «второго поколения» (детей мигрантов) является их изоляция в «этнических районах». Возможно, вследствие социально смешанной структуры города Москва избежит проблемы «второго поколения» в будущем.

VISUALIZING COMPOSITIONAL DATA ON THE LEXIS SURFACE

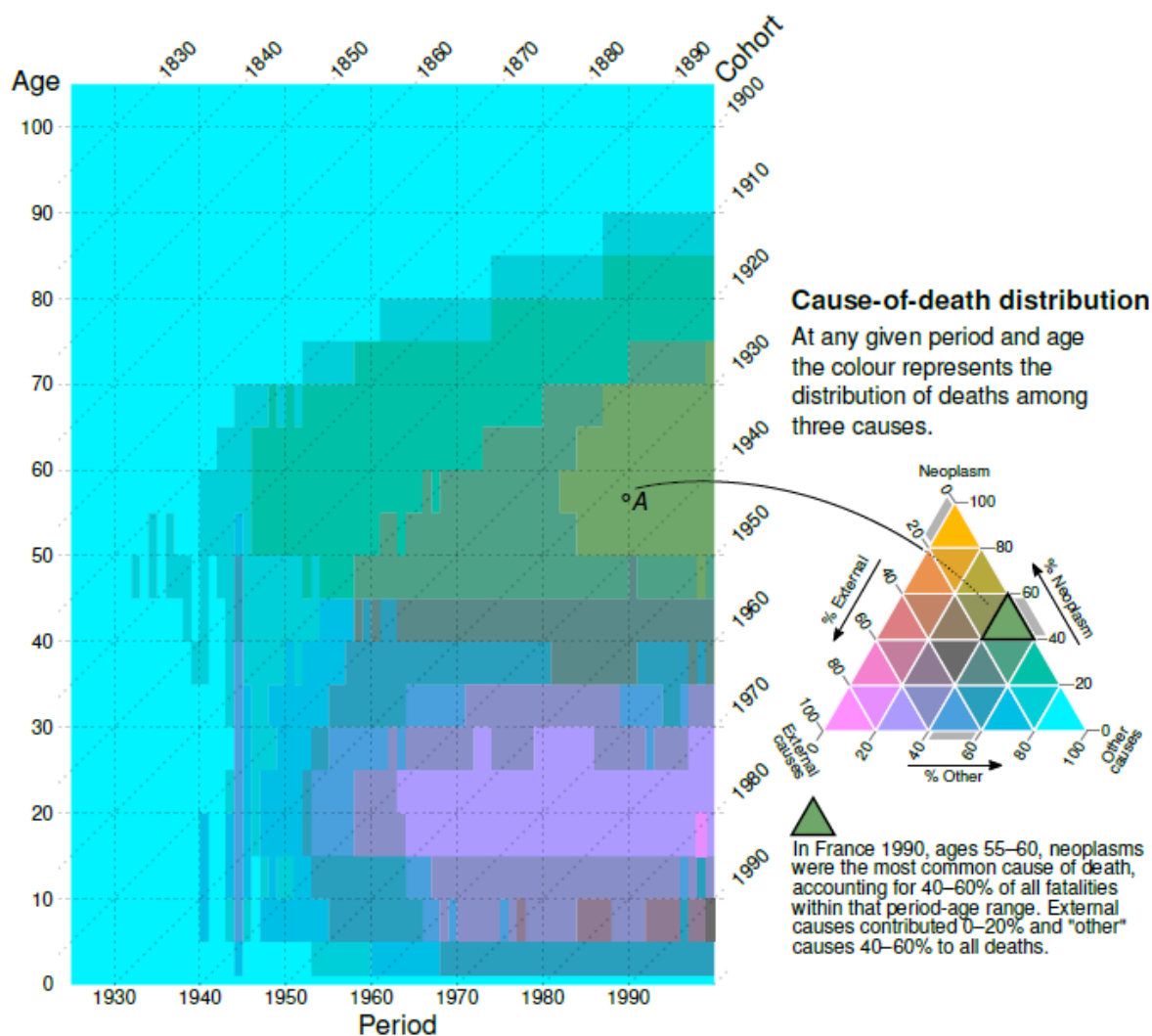
[Schöley J., F. Willekens (2017). Visualizing compositional data on the Lexis surface // Demographic research. 36(21): 627–658. doi.org/10.4054/DemRes.2017.36.21]

Весьма нестандартную статью опубликовали недавно Йонас Щёлай и Франс Виллекенс в престижном *Demographic research*. Работа полностью посвящена тонкостям визуализации демографических данных. Используя математически выверенные и теоретически обоснованные цветовые схемы, авторы надеются расширить стандартный арсенал демографических способов визуализации данных, имеющих три классические временные компоненты: возраст, календарный период и когорта. В статье предложены четыре типа визуализации демографических данных, в основе которых лежит сетка Лексиса. Каждый из предложенных методов имеет свои ограничения и достоинства. Статья помогает понять, каким образом лучше отобразить демографические данные в каждом конкретном случае.

Четыре предложенных способа используют цвет для обогащения отраженной на графике информации. В зависимости от характера отображаемых данных и задач визуализации на выбор цвета накладываются ограничения: например, необходимость сохранения смысловой нагрузки при черно-белой печати или доступность графика для людей с искаженным восприятием цвета. Четыре предложенных способа это: Ternary-balance scheme (рисунок 18); Qualitative-sequential scheme (рисунок 19); Agewise-area plot (рисунок 20); Small multiples (рисунок 21). Все примеры иллюстрируют характеристики повозрастных коэффициентов смертности во Франции с 1925 по 1999 г.

Первый из способов – Ternary-balance scheme (рисунок 18) – использует подход, когда с помощью сочетания значений трех переменных кодируется цвет. Этот подход принципиально возможен благодаря тому, что любой цвет однозначно задается сочетанием трех базовых (красный, зеленый, синий) или трех дополнительных (желтый, голубой, розовый) цветов. К достоинствам метода стоит отнести феноменальную плотность отображенной информации при относительной простоте чтения и интерпретации графика. Объективные недостатки метода: потеря смысла при черно-белой печати и проблемах с

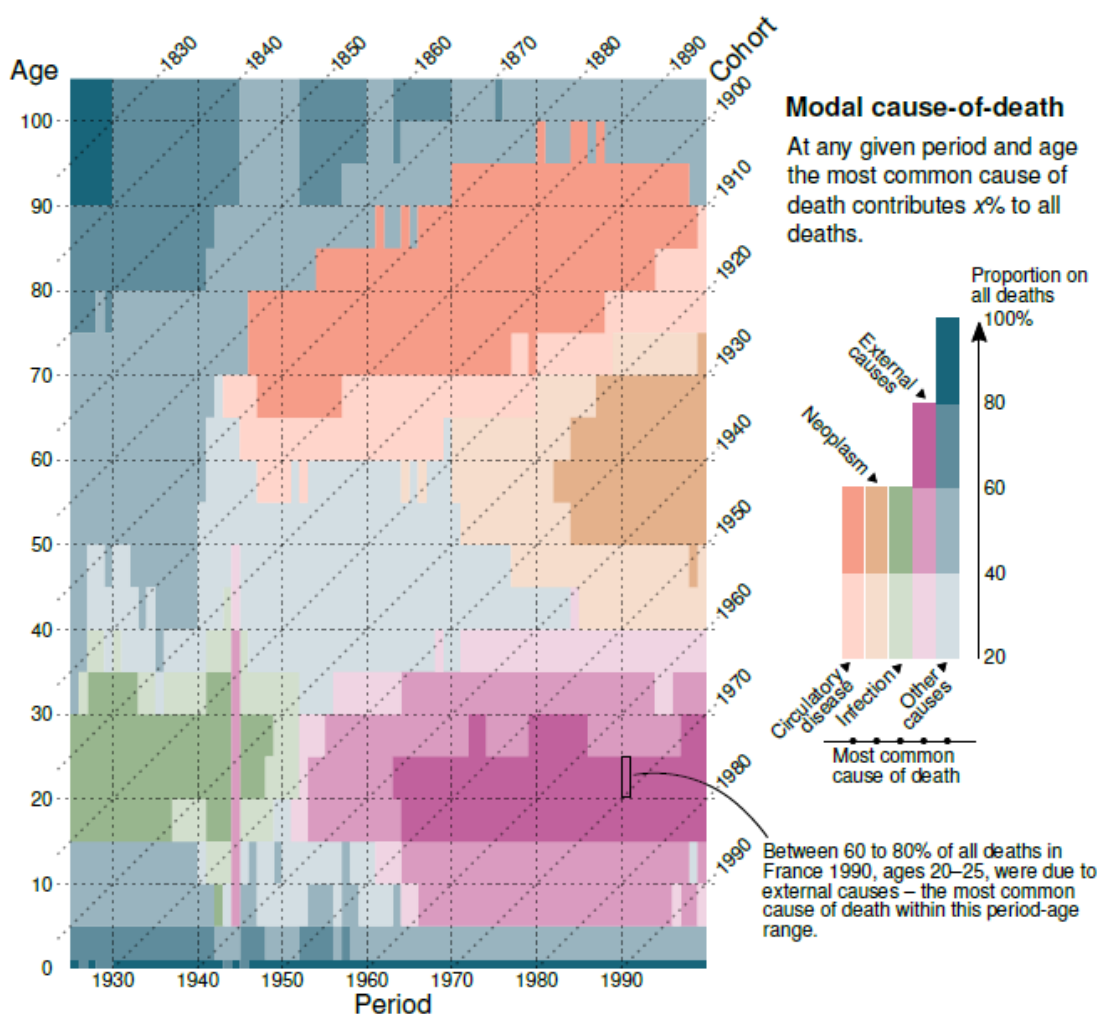
восприятием цвета. Также некоторое неудобство может доставлять необходимость использования именно трех категорий/переменных отображаемых данных.

Note: Data by Vallin and Meslé (2014), own calculations.

Рисунок 18. Ternary-balance scheme в применении к повозрастным данным о смертности во Франции, 1925-1999. Цвет отражает структуру смертности по причинам, разделенным на три категории: новообразования, внешние и прочие

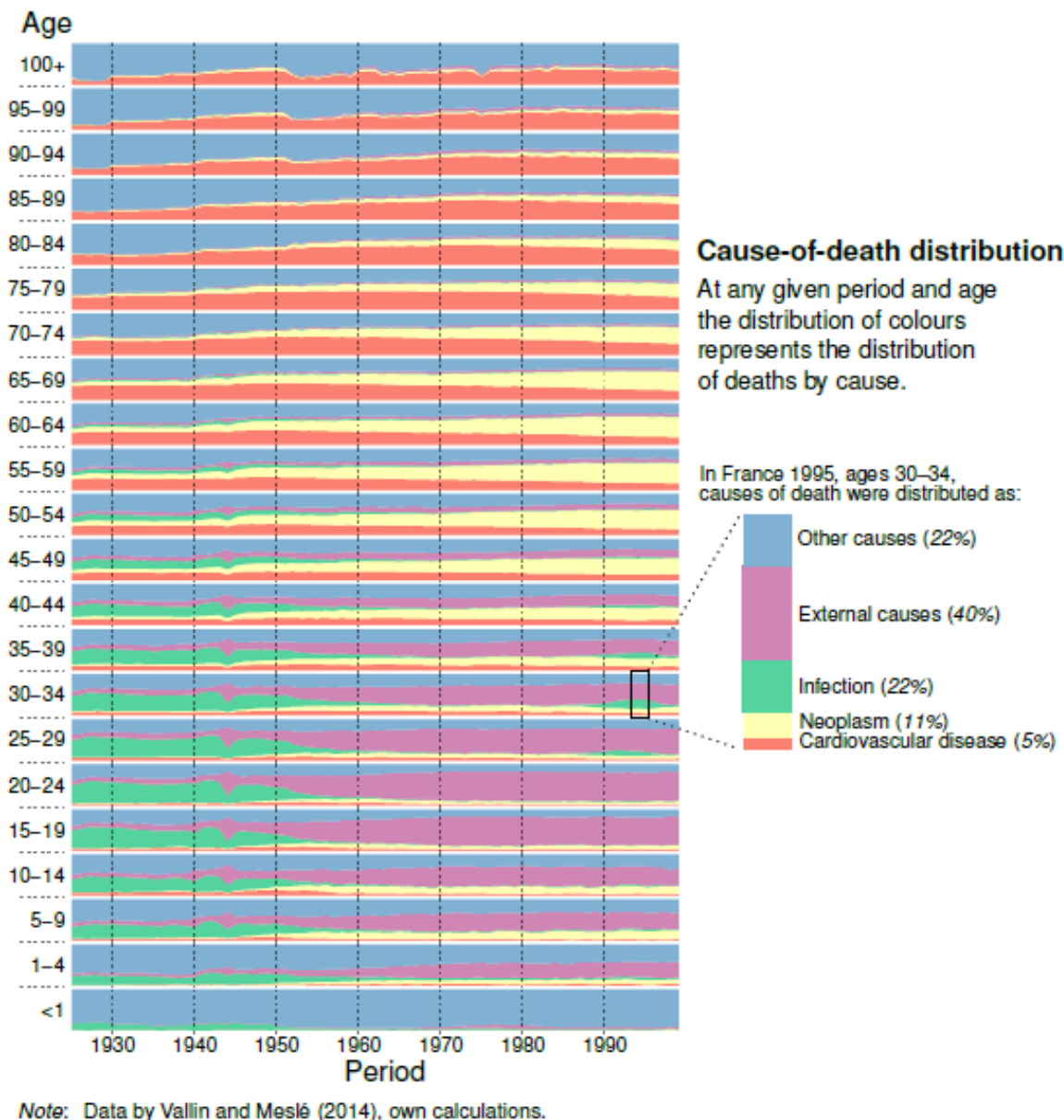
Второй способ – Qualitative-sequential scheme (рисунок 19) – позволяет отображать большее число категорий данных, однако в данном случае цвет обозначает лишь долю лидирующей причины смертности.

Note: Data by Vallin and Meslé (2014), own calculations.

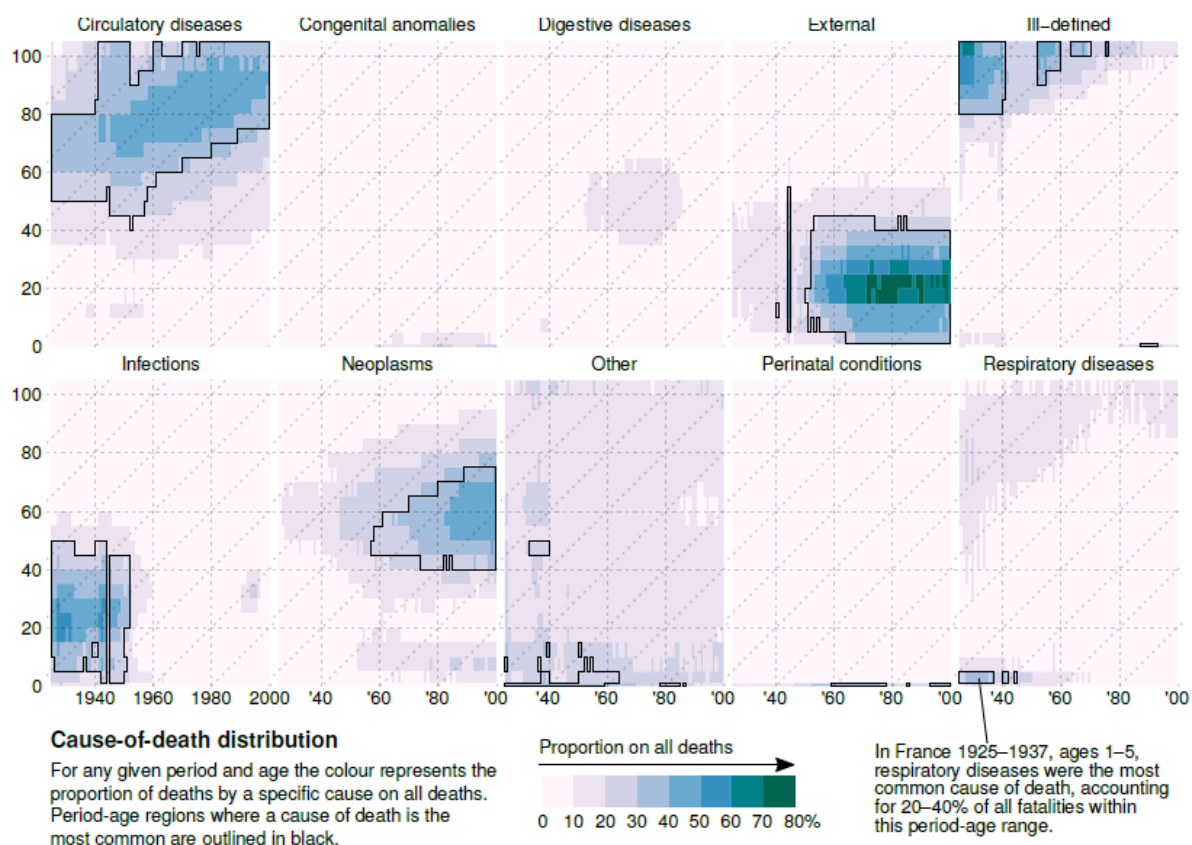
Рисунок 19. Qualitative-sequential scheme в применении к повозрастным данным о смертности во Франции, 1925-1999. Цвет отражает долю смертей в определённом возрасте от лидирующей группы причин смерти

Третий способ – Agewise-area plot (рисунок 20) – отображает распределение смертей по причинам для пятилетних возрастных групп в виде состыкованных столбиковых диаграмм с накоплением. Графики данного типа вполне могут быть print & colorblind friendly.

Рисунок 20. Agewise-area plot в применении к повозрастным данным о смертности во Франции, 1925-1999

Наконец, четвертый способ – Small multiples (рисунок 21) – позволяет отобразить конкретные значения данных каждой из категорий: отдельные графики для каждой из групп причин смерти располагаются рядом друг с другом для удобства сравнения.

Note: Data by Vallin and Meslé (2014), own calculations.

Рисунок 21. Small multiples в применении к повозрастным данным о смертности во Франции, 1925-1999. Доминирующая группа причин смерти обведена темно-серой линией

В завершающей части работы авторы рассуждают о сравнительных достоинствах и недостатках каждого из четырех предложенных методов, приводя как объективные (объем отображенной информации), так и субъективные данные о восприятии типов визуализации, подкрепленные ссылками на эксперименты.

Помимо эстетического совершенства графиков, необходимо отметить, что все примеры созданы с помощью принципиально бесплатного программного обеспечения с открытым кодом - скриптового языка программирования R. К опубликованной статье прилагается архив скриптов и данных для полного воспроизведения всех примеров. Таким образом, данная статья не только соответствует принципам воспроизводимости результатов, но и представляет собой небольшой учебник по визуализации демографических данных.

Йонас Щелай – автор великолепного Human Mortality Database Explorer⁸.

⁸ URL: <https://jschoeley.shinyapps.io/hmdexp/>

SIZE OF TOWN, LEVEL OF EDUCATION AND LIFE SATISFACTION IN WESTERN EUROPE

[Migheli M. (2016). *Size of town, level of education and life satisfaction in Western Europe // Tijdschrift voor economische en sociale geografie. n/a-n/a. doi.org/10.1111/tesg.12205*]

Урбанизация остается одним из наиболее стойких глобальных трендов нашего времени. Ожидается, что увеличение числа жителей городов, продолжающееся на протяжении последних трех веков, сохранится и в будущем. Это создает новые вызовы для экономистов и разработчиков политики городского развития. Не ограничиваясь вопросами материальных благ, они пытаются выявить показатели, которые воздействуют на удовлетворенность человека жизнью и могут стать полноценными индикаторами благополучия жителей.

Обратив внимание на результаты исследований, которые демонстрируют негативную корреляцию между уровнем удовлетворенности жизнью и размером города, Маттео Мигели предпринял попытку более детально изучить взаимосвязь между масштабами населенных пунктов, удовлетворенностью жизнью и уровнем образования жителей. Он проанализировал массив данных за 1989-2005 гг., собранных в рамках проекта World Values Survey (Всемирное обследование ценностей) в 17 странах Западной Европы.

Подтверждая результаты предыдущих исследований, автор обнаруживает обратную зависимость между размером населенного пункта и индивидуальной удовлетворенностью жизнью его жителей, которая показывает, что жители больших городов под влиянием негативных факторов урбанистической жизни ощущают себя менее удовлетворенными, нежели те, кто живет в маленьких поселениях. Включая в исследование переменную образования, представленную тремя уровнями (в контексте российского образования соответствует среднему, среднему специальному и высшему образованию), Мигели обнаруживает, что уровень образования оказывает статистически значимое влияние на взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью и размером города. Проведенный анализ дает основания предположить, что уровень образования оказывает воздействие на величину эффекта и, следовательно, образование в значительной степени компенсирует негативные аспекты проживания в больших городах. Градация эффекта образования в зависимости от формы занятости респондентов показывает, что негативные аспекты проживания в городах почти всегда преобладают над позитивным влиянием уровня образования. Исключение составляют окончившие университет респонденты, занятые неполное время или являющиеся частными предпринимателями. В этом случае эффект образования компенсирует недостатки проживания в крупном городе.

Независимо от размера города и формы занятости, образование в целом повышает уровень индивидуального благополучия. При этом уровень образования оказывается даже важнее материального благополучия при компенсации негативного эффекта от проживания в крупном городе. Это позволяет автору предположить, что на индивидуальное благополучие в большей степени влияет непосредственно уровень образования. Этот образовательный дивиденд больше, чем положительный эффект от более высокого дохода, свойственного более образованным респондентам. Обратная закономерность также

отчетливо выражена: за счет дохода респонденты с низким уровнем образования не могут компенсировать низкий уровень удовлетворенности жизнью в большом городе.

Ключевые выводы статьи. Во-первых, индивидуальное благополучие увеличивается с повышением уровня образования, но уменьшается с размером населенного пункта. Во-вторых, образование обладает компенсаторной функцией и помогает жителям успешнее справляться с отрицательными сторонами жизни в мегаполисе. Здесь автору удается продвинуться дальше, чем его предшественникам, благодаря включению в анализ градации уровней образования, а также сравнительного эффекта образования в населенных пунктах разного размера. Обращая особое внимание на факторы, позволяющие жителям справляться с негативными аспектами проживания в условиях большого города (таких как загрязнение, агрессия, социальная разобщенность и неравенство), автор выделяет несколько позитивных моментов, связанных, в частности, с адаптивной функцией образования. Положительная корреляция между уровнем образования и доходом позволяет предположить, что доступ к высокооплачиваемой работе, возможности выбора наиболее благоприятного места проживания, спектр услуг и развлечений, расширяющийся с увеличением населенного пункта, который открывается для людей с высшим образованием, остаются недоступными для тех, чье образование ниже.

Автор отмечает, что установление причинно-следственных связей требуют проведения дальнейших исследований, как и возможное распространение результатов анализа на страны, не рассмотренные в работе. Возможная и еще одна интерпретация, согласно которой ценность образования как одного из составляющих элементов счастья уменьшается при увеличении концентрации высокообразованных людей, проживающих на той же территории. При этом плотность таких жителей имеет тенденцию увеличиваться с ростом населенного пункта. Возможно также, что недостатки проживания в мегаполисах превышают достоинства, снижая ощущение индивидуального благополучия для обладателей всех уровней образования и любого типа занятости.

DELAYED REGISTRATION AND IDENTIFYING THE "MISSING GIRLS" IN CHINA

[Shi Y., J.J. Kennedy (2016). Delayed registration and identifying the "missing girls" in China // The China Quarterly. 228: 1018-1038. doi.org/10.1017/S0305741016001132]

Один из самых ярких и волнующих демографических сюжетов, на протяжении многих лет привлекавший внимание как научного сообщества, так и широкой публики - колоссальная нехватка молодых женщин в Китае. Согласно доминирующему представлению, подтверждаемому вроде бы статистическими данными, значительное искажение половозрастной структуры в Китае было вызвано в первую очередь селективными абортами, когда при политике "одна семья - один ребенок" большинство семей предпочитали рожать мальчиков. В итоге китайскому обществу на протяжении последних лет прочили серьезные социальные проблемы, связанные с тем, что десяткам миллионов молодых людей просто не достанется девушек для создания семьи.

Йодзи Си и Джон Джеймс Кеннеди подвергли сомнению существование этого феномена как такового. Их анализ показал, что видимость перекоса возрастно-половой структуры представляет собой лишь артефакт данных, связанный с тем, что в Китае достаточно распространено регистрировать девочек лишь при крайней необходимости, например перед свадьбой. Таким образом, в подростковом возрасте молодые девушки появляются в официальной статистике "из ниоткуда".

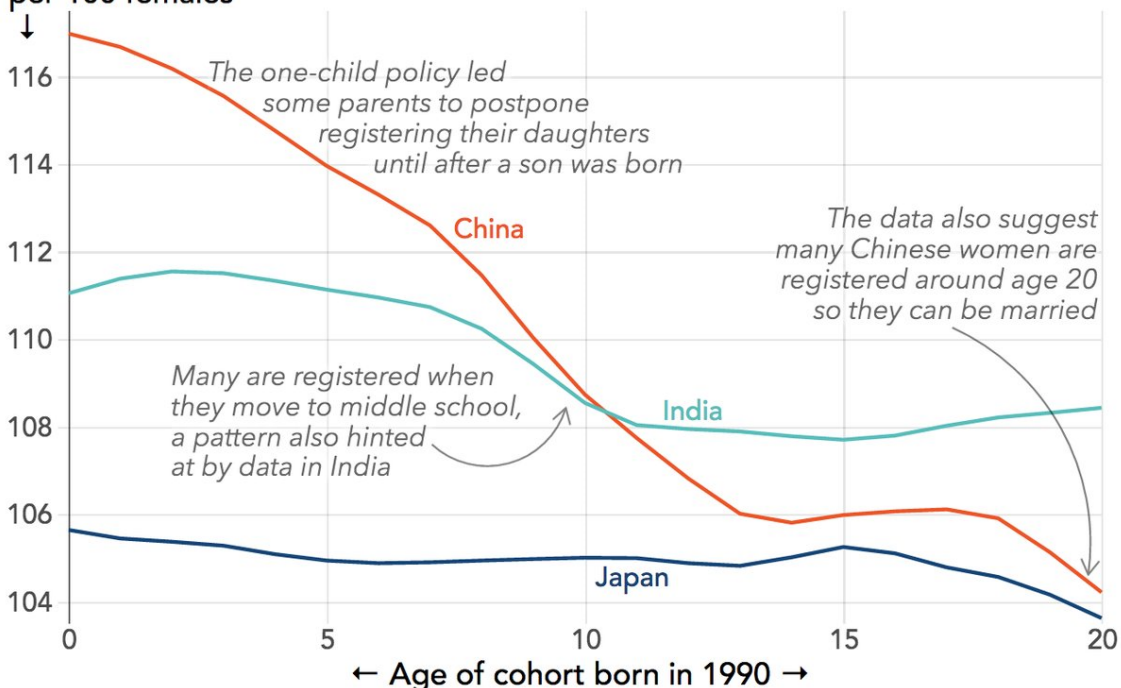
Несмотря на то, что статья была опубликована в престижном журнале *The China quarterly*, по-настоящему значительное внимание она привлекла после публикации журналистом *Financial times* ее основных результатов в виде емкого графика (рисунок 22).

В завершении статьи авторы аккуратно оговариваются, что они не утверждают, будто бы селективных по полу аборт в Китае не было. Просто их анализ показал, что комбинация недоучета рождаемости и поздней регистрации девочек объясняют большую часть загадки так называемых "потерянных девочек".

Finding China's missing girls

According to census data, there were 117 boys born for every 100 girls in China in 1990, but mysteriously the sex ratio of this same cohort has become steadily more balanced as it has aged, with more females added each year. New research suggests parents are registering their daughters some years after birth, meaning much of China's male surplus is quite literally vanishing overnight

Ratio of males per 100 females

Sources: U.N. Population Division (2015), Shi and Kennedy (2016)

Рисунок 22. Вторичное соотношение полов в Китае, Индии и Японии в когорте 1990 года рождения на протяжении первых 20 лет жизни

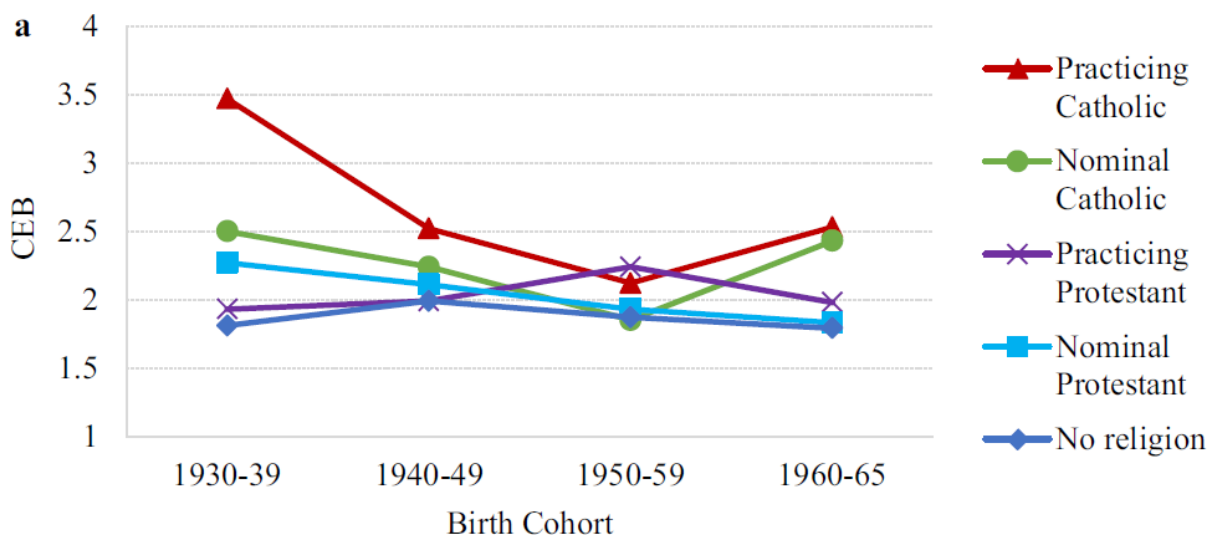
RELIGION AND FERTILITY IN WESTERN EUROPE: TRENDS ACROSS COHORTS IN BRITAIN, FRANCE AND THE NETHERLANDS

[Peri-Rotem N. (2016). Religion and fertility in Western Europe: trends across cohorts in Britain, France and the Netherlands // European journal of population. 32(2): 231-265. doi.org/10.1007/s10680-015-9371-z]

Принято считать, что религия играет все меньшую роль в западноевропейском обществе. Предполагается, что процесс секуляризации в Западной Европе стал одной из причин демографического кризиса в регионе, поскольку ослабело влияние веры на семейные установки личности. Нитзан Пери-Ротем решила проверить этот тезис, проведя ретроспективный анализ уровня рождаемости в зависимости от религиозности женщин определённых христианских конфессий в трёх странах: Великобритании, Нидерландах и Франции. Именно в этих государствах за прошедший век религия наиболее значительно утратила своё влияние на людей. Автор подчеркивает, что демографические тенденции определяет не столько номинальная конфессиональная принадлежность, сколько активность личности как члена религиозного сообщества.

Прошлые исследования показывают, что в целом в Европе христиане склонны иметь большие семьи, нежели атеисты. Во всех трёх странах процент населения, относящих себя к какой-либо религии, достаточно высок (75% всех жителей Франции - католики, в Великобритании и Нидерландах более 50% населения относят себя к протестантской или католической церкви). Однако лишь малая часть верующих (каждый пятый в Соединённом Королевстве и Нидерландах и каждый десятый во Франции) посещают религиозные службы регулярно. Поэтому исследователи отмечают, что религиозная самоидентификация перестаёт относиться к церковным учениям, а превращается в средство осознания себя как части определенной культурной общности. Пери-Ротем подразделяет и католиков, и протестантов на "практикующих" и "номинальных" и изучает внутри каждой группы демографические тренды нескольких поколений на протяжении 1930-1980-х годов. Из исследования, несмотря на общий более высокий уровень рождаемости, исключены мусульманские меньшинства, так как их численность не превышает 10% от общего населения каждой из рассматриваемых стран.

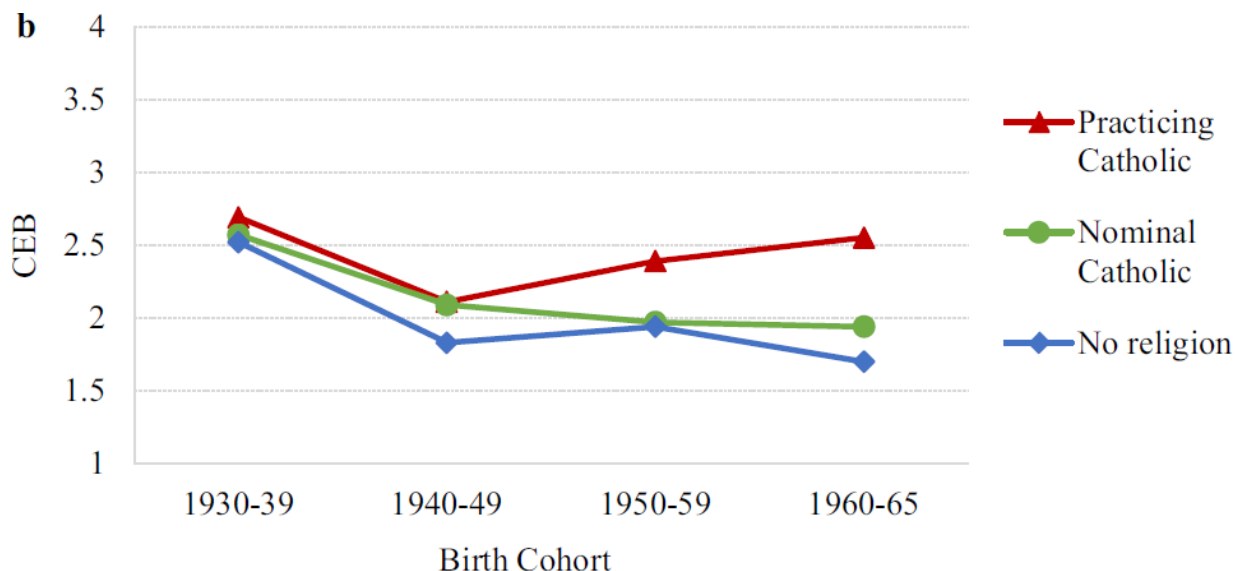
Прежде всего автор поясняет, что во всех трех странах процент населения, посещающего религиозные службы на регулярной основе, с 1930 по 1970 г. упал минимум в два раза. В Великобритании женщины-последовательницы католицизма (как "практикующие", так и "номинальные") в среднем имеют больше детей, чем приверженцы протестантизма. Однако этот разрыв со временем сокращается (рисунок 23). Наименьший уровень рождаемости в стране (1,8 ребёнка на женщину) наблюдается среди "номинальных" протестантов, что сближает их по данному показателю с атеистами.

Рисунок 23. Уровень рождаемости в Великобритании по конфессиональным группам и возрастным когортам, детей на женщину

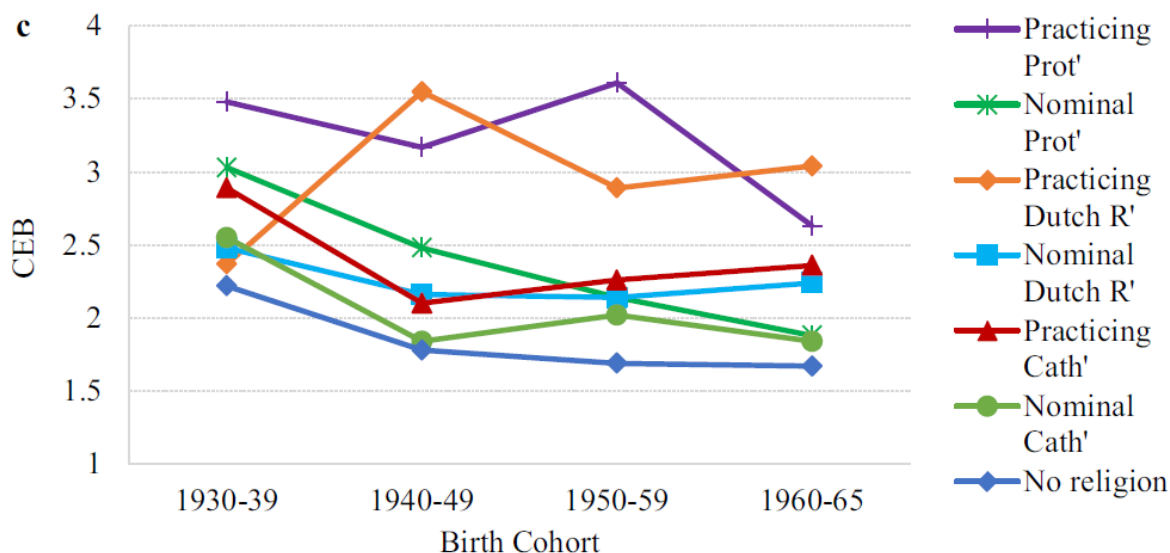
Примечание: CEB - children ever born – итоговая рождаемость

С другой стороны, во Франции и в Нидерландах "практикующие" католики по-прежнему имеют существенно большее количество детей, нежели их "номинальные" единоверцы (рисунки 24, 25). Более религиозные католики в обеих странах склонны иметь 2,4-2,6 ребёнка в семье, в то время как семьи их менее верующих соотечественников насчитывают в среднем 1,8-1,9 ребёнка. Однако в Нидерландах рождаемость у практикующих женщин-протестантов превышает показатель последователей католицизма. Высокий уровень рождаемости (более чем 3 ребёнка на женщину) особенно характерен для прихожан голландской реформистской церкви.

Рисунок 24. Уровень рождаемости во Франции по конфессиональным группам и возрастным когортам

Примечание: CEB - children ever born – итоговая рождаемость

Рисунок 25. Уровень рождаемости в Нидерландах по конфессиональным группам и возрастным когортам, детей на женщину

Примечание: CEB - children ever born – итоговая рождаемость

Из исследования можно сделать несколько выводов. Во-первых, отмечается долгосрочная положительная зависимость между степенью религиозности и уровнем рождаемости. Во-вторых, принадлежность к католической церкви не обязательно влечёт за собой более высокий показатель рождаемости, нежели у протестантов. Так, в Великобритании и Нидерландах тенденции среди этих конфессий противоположные. В-третьих, более религиозные женщины чаще вступают в официальный брак и откладывают рождение детей до момента официального создания семьи. В-четвёртых, пропорция бездетных женщин среди тех, кто привержен какой-либо религии, снижается, а среди нерелигиозных групп, наоборот, растёт. Автор приходит к выводу, что нельзя говорить о едином процессе секуляризации в Европе.

DEMOGRAPHIC DIGEST

DIGEST IS COMPOSED BY ILYA KASHNITSKY, MARIA VILKOVA,
EKATERINA DEMINTSEVA, MARIA GUNKO, ANNA LEVINA,
JULIA LONSHCHIKOVA, DANIEL KASHNITSKY, OLESYA KLIUSHINA, AND
DMITRY OPARIN

- *Esteve A., C.R. Schwartz, J. van Bavel, I. Permanyer, M. Klesment, J. García-Román. The end of hypergamy: global trends and implications*
- *Clark G. Microbes and markets: was the Black Death an economic revolution?*
- *Van Mol C. Do employers value international study and internships? A comparative analysis of 31 countries*
- *Niedomysl T., U. Ernstson, U. Fransson. The accuracy of migration distance measures*
- *Graham C., J.R. Pozuelo. Happiness, stress, and age: how the U curve varies across people and places*
- *Lennartz C., R. Arundel, R. Ronald. Younger adults and homeownership in Europe through the global financial crisis*
- *Demintseva E., D. Kashnitsky. Contextualizing migrants' strategies of seeking medical care in Russia*
- *Kashnitsky I., M. Gunko. Spatial variation of in-migration to Moscow: testing the effect of housing market*
- *Oparin D.A. Migration and contemporary Muslim space in Moscow. Contextualizing north caucasian loud dhikr and the religious practices of Central Asian folk mullas*
- *Demintseva E. Labour migrants in post-Soviet Moscow: patterns of settlement*
- *Schöley J., F. Willekens. Visualizing compositional data on the Lexis surface*
- *Migheli M. Size of town, level of education and life satisfaction in Western Europe*
- *Shi Y., J.J. Kennedy. delayed registration and identifying the "missing girls" in China*
- *Peri-Rotem N. Religion and fertility in Western Europe: trends across cohorts in Britain, France and the Netherlands*

ILYA S. KASHNITSKY (ikashnitsky@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA; UNIVERSITY OF GRONINGEN (RUG) AND NETHERLANDS INTERDISCIPLINARY DEMOGRAPHIC INSTITUTE (NIDI, NETHERLANDS).

MARIA GUNKO, INSTITUTE OF GEOGRAPHY RAS, RUSSIA

MARIA VILKOVA, EKATERINA DEMINTSEVA, ANNA LEVINA, JULIA LONSHCHIKOVA, DANIEL KASHNITSKY, OLESYA KLIUSHINA, DMITRY OPARIN, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA

* SECTION EDITOR – ILYA KASHNITSKY

DATE RECEIVED: APRIL 2017.